

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
ГОРЬКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ
КУЛЬТУРА
ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ

Межвузовский сборник

Горький 1990

Материальная и духовная культура феодальной России: Межвузовский сборник / Горький, изд. ГГУ, 1990, с.

В сборнике рассмотрены некоторые актуальные проблемы социально-экономической, этнической и культурной истории Верхнего и Среднего Поволжья. Значительное внимание уделено вопросам истории письменной культуры и летописания в Древней Руси, обобщены результаты археологических раскопок некоторых населенных пунктов на территории Нижегородского и Ярославского Поволжья.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Канд. ист. наук, доцент Т. В. Гусева, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. В. К. Зиборов, доктор ист. наук, профессор А. Г. Кузьмин, канд. ист. наук, доцент В. П. Макарихин (отв. редактор), канд. филол. наук, ст. преп. В. Н. Русинов (зам. отв. редактора и отв. секретарь), доктор ист. наук, профессор А. В. Седов.

ВВЕДЕНИЕ

Перед историками феодальной России стоит множество проблем, которые в конечном счете связаны с формированием материальной и духовной культуры восточных славян, их этнической историей.

Важной, но до сих пор спорной проблемой является проблема Нестора-летописца. Ее окончательное решение было бы способно либо укрепить многие представления о Руси второй половины XI—начала XII вв., либо внести в них существенные коррективы. Как можно полагать, далеко еще не исчерпаны возможности истолкования сообщений дошедших до нас летописных текстов, новое прочтение которых подчас позволяет сделать совершенно неожиданные открытия и наблюдения.

Большое значение имеет введение в научный оборот и новых исторических источников. В особенности это касается археологических находок, так как свидетельства письменных памятников о глубоком прошлом восточного славянства во многих случаях недостаточны и по возможности должны сопоставляться с любыми другими данными. Бесценными для изучения этнических процессов, протекавших когда-то в зоне взаимодействия восточно-славянского населения с финно-угорским и иным неславянским, являются материалы археологических раскопок древних поселений в Верхнем Поволжье. Эти материалы позволяют судить и о степени христианизации восточных славян в тот или иной период их истории, а раскопки некрополей древнерусских городов незаменимы при палеоантропологических исследованиях.

Многое еще предстоит сделать в исследовании истории России периода позднего феодализма. Это относится, в частности, к изучению мировоззрения выдающихся представителей русской общественной мысли XVIII в.—таких, например, как В. Н. Татищев и Д. С. Руднев. В дальнейшем осмыслению нуждаются социально-экономические явления и процессы российской истории—такие, как работа знаменитой Нижегородской ярмарки, промысловая деятельность крестьянства.

К настоящему времени назрела необходимость исследовать и обобщить деятельность губернских ученых архивных комиссий по изучению отечественной истории.

К ПРОБЛЕМЕ НЕСТОРА-ЛЕТОПИСЦА

В. Н. Русинов

ГОРЬКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Одной из наиболее спорных и в то же время актуальных проблем древнерусского летописания конца XI—начала XII вв. остается проблема Нестора. В наиболее общем виде она может быть сформулирована так: действительно ли киевопечерский монах Нестор, известный как автор двух апографических сочинений («Чтения о Борисе и Глебе» и «Жития Феодосия Печерского»), был и летописцем? В более конкретном, но особенно важном аспекте эта проблема представляет собой вопрос о том, имел ли Нестор отношение к созданию «Повести временных лет» и, в частности, можно ли считать его составителем ее первоначальной редакции?

Очевидно, что проблема Нестора как в широком, так и в узком плане не может считаться решенной положительно, пока в дошедших до нас редакциях «Повести временных лет» не будут найдены принадлежащие ему тексты. Обнаружение таких текстов во всяком случае дало бы твердые основания видеть в Несторе печерского автора, запись которого вошла в состав «Повести временных лет», и с большей вероятностью, чем это делается сейчас, приписывать ему составление первоначальной редакции данного памятника. Однако до сих пор по вопросу о том, какие тексты в «Повести» можно было бы связать с авторством Нестора, существуют самые разноречивые мнения, а с точки зрения некоторых исследователей они в ней вообще отсутствуют.

Нет необходимости останавливаться здесь на детальном разборе всех данных за и против причастности Нестора Печерского к летописанию конца XI—начала XII вв.: они отражены в обширной научной литературе и хорошо известны. Следует лишь кратко напомнить о самом существенном.

В пользу причастности Нестора к созданию «Повести временных лет» говорят свидетельства «Киевопечерского патерика» и показания заглавий «Повести» в некоторых летописях. Однако происхождение этих свидетельств само нуждается в выяснении тем более, что имеются и такие данные, которые позволяют считать составителем «Повести временных лет» Сильвестра Выдубицкого.

Против Нестора свидетельствуют противоречия по сообщаемым фактам и авторским симпатиям между «Чтением о Борисе и Глебе», «Житием Феодосия Печерского», с одной стороны, и «Повестью временных лет», с другой. Но даже самые очевидные из них могут быть объяснены тем или иным допустимым предположением и не говорят против авторства Нестора однозначно и определенно. Недаром и количество таких противоречий, устанавливаемых разными исследователями, колеблется в весьма широких пределах. Тем не менее в процессе научных дискуссий на этом направлении исследования проблемы у некоторых ученых стало складываться убеждение, что Нестору во всяком случае не могут принадлежать те части в «Повести временных лет», которые не согласуются с его «Чтением» и «Житием», то есть прежде всего летописные статьи 1051 г., 1074 г., 1091 г. Как известно, их принадлежность Нестору в свое время сомнений не вызывала.

Большое значение при исследовании проблемы Нестора придавалось датировке его агиографических сочинений, так как от этого на первый взгляд зависит оценка содержащихся в них противоречий с «Повестью временных лет». Вопрос о времени возникновения «Чтения о Борисе и Глебе» и «Жития Феодосия Печерского» до сих пор нельзя считать решенным. Однако даже в том случае, если верна их датировка периодом, близким к появлению первой редакции «Повести временных лет», она не может неопровержимо свидетельствовать против авторства Нестора в отношении «Повести», как это представлялось некоторым исследователям.

В настоящее время в науке продолжает господствовать разработанная еще А. А. Шахматовым гипотеза о трех редакциях «Повести временных лет», первая из которых приписывается Нестору Печерскому, вторая—Сильвестру Выдубицкому, а третья связывается с сыном Владимира Мономаха князем Мстиславом и его окружением¹. Для дальнейшего исследования, в ходе которого эти представления могли бы быть

подтверждены, уточнены или решительно пересмотрены, необходимы новые факты и наблюдения. Особенно важно дальнейшее исследование проблемы Нестора, так как сохраняется парадоксальная ситуация, когда многие ученые вслед за А. А. Шахматовым видят в Несторе автора первоначальной (основной) редакции «Повести временных лет», но указать в ее составе тексты, достоверно принадлежащие Нестору, по существу так и не удается.

Явно недостаточно проблема Нестора исследовалась в плане сопоставления филологических, особенно лингвистических, признаков агнографических сочинений Нестора и «Повести временных лет». Более или менее целенаправленные работы такого рода единичны. Между тем именно на этом направлении могут быть получены новые и наиболее объективные данные, поскольку глубинные языково-стилистические черты письменной речи одного автора обладают относительной устойчивостью и их обнаружение может сыграть важную роль при установлении принадлежности ему тех или иных текстов.

Попытка решить проблему Нестора путем сопоставления языка «Чтения о Борисе и Глебе» с языком «Повести временных лет» была предпринята П. С. Билярским. В своей небольшой статье² на ряде примеров он показал, что для «Чтения» характерно следование церковнославянским нормам в морфологии и синтаксисе, тогда как о «Повести» в целом этого сказать нельзя. Если автор «Чтения» употреблял слова *елинь*, *область*, *сулица*, *стадия*, *древодель* и т. д., то летописец для выражения соответствующих понятий избирал слова *поганый*, *волость*, *копье*, *верста*, *плотникъ* и т. д. В результате подобных наблюдений П. С. Билярский пришел к выводу: «сочинитель Сказания (имеется в виду «Чтение о Борисе и Глебе» — В. Р.) не одно и то же лицо с летописцем».

А. А. Шахматов при исследовании проблемы Нестора оперировал преимущественно нелингвистическими данными. Лишь в отдельных случаях ему принадлежат наблюдения над языковыми и стилистическими чертами анализируемых текстов, но в его построениях они играют второстепенную роль. Представления А. А. Шахматова о круге чтений, принадлежащих Нестору в составе «Повести временных лет», и его роли в создании самого памятника неоднократно менялись. В конце концов исследователь пришел к мысли, что Нестор был автором первоначальной редакции «Повести». Убеждение в

этом не покидало А. А. Шахматова до конца жизни. К сожалению, более обстоятельно свой взгляд на проблему он высказать не успел, хотя и намеревался это сделать³.

В разгар шахматовских исследований появилась обширная статья С. А. Бугославского⁴, который вновь попытался рассмотреть проблему Нестора, широко используя наблюдения над филологическими признаками его агнографических сочинений в сравнении с «Повестью временных лет». Н. К. Гудзий неоднократно отмечал обстоятельность этой статьи⁵. Существенными считал содержащиеся в ней выводы А. Г. Кузьмин⁶.

С. А. Бугославский анализировал и сопоставлял прежде всего «литературные приемы» — наиболее общие принципы повествования, характерные для Несторовых агнографических сочинений и «Повести временных лет». В меньшей степени он исследовал «стилистику» — излюбленные обороты и выражения, свойственные авторам этих сочинений. В результате своих наблюдений С. А. Бугославский пришел к выводу, что литературный стиль Нестора отличался оригинальностью и постоянством. Исследователь обратил внимание на частое употребление Нестором некоторых слов и выражений: *лено, нелено, ти тако, яко же рекохъ* и др. Вооружившись этими представлениями, он приступил к сопоставлению Несторовых сочинений с «Повестью временных лет». В первую очередь им были проанализированы летописные статьи 1051 г., 1074 г., 1091 г., так как именно об их принадлежности Нестору шли острые споры. С. А. Бугославский отметил тесную связь по содержанию и сходство по стилю статей 1051 г. и 1074 г., в силу чего рассматривал их как сочинения одного автора. По поводу статьи 1091 г. он высказал замечание о ее стилистическом сходстве «с остальными местами летописи», не указав, впрочем, какие «места» имеются в виду. Однако лишь в статье 1074 г. С. А. Бугославский заметил небольшую деталь, напоминающую выражения Нестора в «Житии Феодосия Печерского» — в обоих сочинениях Феодосий, обращаясь к монахам, говорит: «братия моя!». В остальном все три статьи, по С. А. Бугославскому, резко отличаются от агнографических сочинений Нестора и, следовательно, не могут принадлежать ему.

На этом исследователь не остановился. Он справедливо полагал, что в сохранившихся редакциях «Повести временных лет» должны были бы оказаться какие-то признаки стиля

Нестора даже в том случае, если бы он только редактировал ее текст. В то же время он привел аргументы в пользу того, что Нестор написал свои агнографические сочинения примерно тогда же, когда могла возникнуть и первоначальная редакция «Повести временных лет». Из этого вытекало, что литературный стиль Нестора, если бы составителем или редактором «Повести» был он, не мог сильно измениться по сравнению с написанными им «Чтением о Борисе и Глебе» и «Житием Феодосия Печерского» — на это просто не было времени. Однако признаки, напоминающие стиль Нестора, во всем тексте «Повести временных лет» С. А. Бугославский нашел лишь в единичных случаях, тогда как отличий между сравниваемыми текстами оказалось множество. Следовательно, Нестору не только не принадлежат в «Повести» никакие тексты, но он не был и ее редактором.

С выводами С. А. Бугославского не согласился Л. В. Черепнин⁷, хотя и принял предложенную им датировку Несторова «Чтения о Борисе и Глебе» временем не ранее 1108 г. Различия по языку, стилю, а также и фактические противоречия между агнографическими сочинениями Нестора и «Повестью временных лет» он в самой общей форме объяснил их жанровой разнотипностью и полагал, что Нестору приходилось считаться с выработанными до него традициями литературного оформления летописных текстов. Соображения Л. В. Черепнина резонны в том плане, что они исходят из верного представления о факторах, под воздействием которых находились языково-стилистические особенности древнерусских письменных памятников.

Таким образом, наиболее целенаправленные попытки анализа филологических аспектов проблемы принадлежат П. С. Блярскому и С. А. Бугославскому, причем оба автора выступили с отрицанием какой-либо роли Нестора в создании «Повести временных лет». Факты, на которые они обратили внимание в своих исследованиях, в большинстве своем действительно имеют место, но сделанный ими на основе этих фактов вывод с позиций современных представлений о древнерусском литературном языке принят быть не может.

В утвердившихся ныне представлениях о языковой ситуации и литературном языке в Древней Руси должное значение придается так называемому литературному этикету⁸. В чисто лингвистическом плане он требовал применения церковно-

славянского языка в текстах церковно-религиозного содержания и допускал использование древнерусского языка в текстах с преобладанием светских сюжетов. В сугубо литературном аспекте этикет воздействовал на язык и стиль древнерусских письменных памятников через их жанр. Сочинения каждого конкретного жанра положено было писать с соблюдением выработавшихся в нем литературных канонов. Кроме того, жанр мог, очевидно, усаливать или ослаблять влияние литературного этикета на язык и стиль письменных памятников. Так, даже церковно-религиозные по содержанию отрывки в летописных текстах было допустимо излагать с использованием норм древнерусского литературного языка, а не только церковнославянского.

Естественно, что Нестор, без сомнения, хорошо знавший церковную литературу своего времени, в «Чтении о Борисе и Глебе» и «Житии Феодосия Печерского» старался придерживаться характерных для агиографических сочинений литературных традиций. Это отчетливо видно при сопоставлении написанного им «Жития» с анонимным «Сказанием о Борисе и Глебе»⁹. Следовательно, если допустить, что в «Повести временных лет» сохранились тексты, принадлежащие Нестору, то было бы методологически неправомерно ожидать в них полного сходства по языку и стилю с его агиографическими сочинениями. Между тем ни П. С. Билярский, ни С. А. Бугославский не придавали этому значения. Поэтому исследования обонх авторов должны рассматриваться лишь как устаревшие и ограниченные опыты такого рода. П. С. Билярский к тому же не привлек для своих наблюдений Нестороно «Житие Феодосия Печерского», сохранившееся в более древнем списке и более значительное по объему, чем «Чтение о Борисе и Глебе». Впрочем, он и сам смотрел на свое исследование как на ограниченный опыт и допускал, что дальнейшее изучение языка агиографических сочинений Нестора и «Повести временных лет» может дать иные результаты. Что касается работы С. А. Бугославского, то многие наблюдения и выводы сделаны в ней в духе своего времени—чисто интуитивно, на глаз, без тщательного анализа языковых фактов и зачастую являются субъективными. Не лишена его статья противоречий и неувязок.

Справедливости ради надо признать, что всестороннее исследование филологических, в особенности лингвистических,

аспектов проблемы Нестора—задача чрезвычайно трудоемкая даже по современным меркам. Такая задача не могла быть поставлена в начале текущего столетия, а тем более еще раньше. Не ставится она и в данной статье.

Обстоятельством, затрудняющим исследование проблемы Нестора по языковым данным, является то, что приходится иметь дело в основном с поздними списками интересующих источников, не только смысл, но и язык которых мог быть видоизменен позднейшими редакторами и переписчиками. Кроме того, индивидуальные особенности литературного языка и стиля древнерусских авторов не проявлялись так отчетливо, как это стало у писателей в позднейшие времена¹⁰, поскольку подвергались нивелировке под воздействием средневекового литературного этикета. Однако несмотря на все это следует, очевидно, исходить из того, что если в дошедших до нас редакциях «Повести временных лет» сохранились тексты, принадлежащие Нестору, то в них могут присутствовать стилистические черты, отразившиеся и в его агнографических сочинениях. А то, что в тексте «Повести» такие черты в достаточном количестве обнаружить пока не удалось, нужно рассматривать как свидетельство того, что они далеко не всегда могут быть выявлены средствами обычного наблюдения. С помощью простого наблюдения, как правило, не может быть обнаружена степень употребительности (частотности) в тексте тех или иных языковых средств. Но как раз по этому признаку может быть установлена принадлежность одному автору, казалось бы, совершенно непохожих текстов.

Эффективным средством выяснения частотности языковых элементов в речи является вероятностно-статистическая методика¹¹, которая и должна быть применена при исследовании проблемы Нестора по лингвистическим данным.

Прежде всего необходимо установить возможно большее число особенностей языка Нестора по двум его агнографическим сочинениям. Для этого они должны быть сопоставлены как друг с другом, так и с иными текстами житийного характера, написанными или переведенными на Руси в ранний период. С этой целью были привлечены древнейшие списки сочинений Нестора: «Чтение о Борисе и Глебе» по «Сильвестровскому сборнику» XIV в.¹² и «Житие Феодосия Печерского» по «Успенскому сборнику» XII—XIII вв.¹³. В качестве материала для сопоставления с ними были использованы 7 сочи-

ненный агнографического характера: «Синайский патерик» по списку XI в.¹⁴, «Житие Нифонта» по «Выголексинскому сборнику» XII в.¹⁵, анонимное «Сказание о Борисе и Глебе», «Мучение Ирины», «Житие Мефодия Моравского», «Житие Пахомия», «Мучение Еразма» по названному выше «Успенскому сборнику» XII—XIII вв.

Особенности языка Нестора необходимо было сопоставить с языковыми признаками «Повести временных лет». Для этого были привлечены древнейшие летописи, содержащие текст «Повести»: Лаврентьевская¹⁶ и Ипатьевская¹⁷. Следует сразу оговориться, что те части ее текста, в летописное происхождение которых несомненно, в исследовании не использовались. Имеются в виду договоры Руси с Византией, «Поучение» Владимира Мономаха, заимствования из «Хроники» Георгия Амартола и его продолжателя.

В качестве главного объекта исследования была избрана употребительность глагольно-именных конструкций (то есть словосочетаний, состоящих из глагольной формы и зависимого от нее имени), так как она во многом характеризует письменную речь любого автора, а сами эти конструкции, как и прочие синтаксические элементы языка, в наименьшей степени подвержены изменениям под пером переписчиков¹⁸. Исследовалась также употребительность некоторых лексических единиц, словесных формул.

В соответствии с вероятностно-статистической методикой из Несторовых и других перечисленных агнографических сочинений были выписаны все глагольно-именные конструкции, которых оказалось: в «Чтении о Борисе и Глебе»—1531, в «Житии Феодосия Печерского»—3760, по тексту «Синайского патерика» была сделана выборка в 3000 фактов, в «Житии Нифонта»—916, в «Сказании о Борисе и Глебе»—1592, в «Мучении Ирины»—1366, в «Житии Мефодия Моравского»—614, в «Житии Пахомия»—298, в «Мучении Еразма»—512. Из текста Лаврентьевского списка «Повести временных лет» была извлечена выборка объемом в 5000 глагольно-именных конструкций. Для выявления и оценки лингвистических особенностей «Повести» путем сопоставления с другими летописными текстами выборки по 2500 фактов каждая были извлечены из Лаврентьевского списка Суздальской летописи за XII в., Ипатьевского списка Киевской летописи за XII в., Ипатьевского списка Галицкой летописи за XIII в. Выборка

объемом в 1600 глагольно-именных сочетаний была также извлечена из текста Волынской летописи за XIII в. по Ппатьевскому списку.

В качестве показателя употребительности глагольно-именных конструкций и лексических единиц были приняты их математические вероятности ($P \pm L_p$), вычислявшиеся с применением формул $p = m:n$ и $L_p = 2 \sqrt{p(1-p):n}$, в которых p — доля изучаемого явления, m — выборочная частота этого явления, n — величина выборки, L_p — максимальная абсолютная ошибка доли. Для получения обобщенной картины частоты использования исследуемых языковых фактов вероятностно-статистические данные по агнографическим и летописным текстам, с которыми сопоставлялись данные по Несторовым сочинениям и «Повести временных лет», усреднялись. Если при прибавлении к меньшей из двух сравниваемых долей ее ошибки и вычитании из большей ее ошибки меньшая вероятность оставалась меньшей, а большая большей, то расхождение между ними признавалось существенным, отражающим разную употребительность; если же получалось иначе, то расхождение между сравниваемыми долями признавалось несущественным, отражающим одинаковую употребительность. Существенным расхождение признавалось и в том случае, если при вычитании из обеих сравниваемых долей их ошибок одна превращалась в нуль, а другая оставалась больше нуля.

Приводить здесь вероятностно-статистические данные об употребительности всех встретившихся в изучаемых текстах глагольно-именных конструкций нет не только никакой возможности, но и необходимости. Внимание должно быть сосредоточено на тех из них, которые способны пролить свет на исследуемую проблему. Они отражены в прилагаемой таблице.

Табличные данные позволяют говорить о некоторых чертах сходства по языку между «Чтением о Борисе и Глебе» и «Житием Феодосия Печерского». Для обоих сочинений характерна очень высокая употребительность союза или частицы *ти*, наречия или частицы *таче*. Примеры из «Чтения»: приносили недужные своя *ти* полагати въ церкви (л. 103в), открыша раце святою *ти* видеша цела лежаща (л. 111а), *таче* быша сынове у Владимире (л. 92в), *таче* посла и... на область (л. 94в) и т. п. Примеры из «Жития»: *ти* тако пристигына яста и (л. 28г), сице бо *ти* бе тыщанне къ богу (л. 42в), *таче* блаженни ишедь и видевь князя (л. 40г), *таче* оуже

Вероятностно-статистические данные по исследованным текстам

Элементы языка	«Чтение о Борнсе и Глебе»	«Житие Феодосия Печерского»	Средняя по 7 агрог. текстам**	«Повесть временных лет»	Средняя по 4 летописным текстам**
ти'	0, 010 ± 0, 005	0, 012 ± 0, 003	0, 001 ± 0, 001	0	0
таче'	0, 015 ± 0, 006	0, 019 ± 0, 004	0, 001 ± 0, 001	0	0
к тому	0, 002 ± 0, 002	0, 004 ± 0, 002	0, 0006 ± 0, 0005	0, 0002 ± 0, 0004	0, 0001 ± 0, 0001
по томъ	0, 012 ± 0, 006	0, 002 ± 0, 001	0, 002 ± 0, 001	0, 0002 ± 0, 0004	0, 003 ± 0, 001
по сихъ	0	0, 004 ± 0, 002	0, 001 ± 0, 001	0, 0006 ± 0, 0006	0, 0004 ± 0, 0004
по семь	0, 0007 ± 0, 0015	0	0, 001 ± 0, 001	0, 005 ± 0, 002	0, 005 ± 0, 001
на + вни. п.	0, 012 ± 0, 006	0, 028 ± 0, 005	0, 009 ± 0, 002	0, 009 ± 0, 003	0, 010 ± 0, 002
по + вни. п.	0, 002 ± 0, 002	0, 009 ± 0, 003	0, 0007 ± 0, 0006	0, 0006 ± 0, 0006	0, 0002 ± 0, 0003
с + твор. п.	0, 0007 ± 0, 0015	0, 004 ± 0, 002	0, 0002 ± 0, 0003	0	0, 0003 ± 0, 0004
на потребу	0, 001 ± 0, 0015	0, 005 ± 0, 002	0, 0006 ± 0, 0005	0, 0004 ± 0, 0006	0
по обычаю	0	0, 002 ± 0, 001	0, 0004 ± 0, 0004	0, 002 ± 0, 001	0, 0003 ± 0, 0004
печня нами	0	0, 002 ± 0, 001	0	0, 0002 ± 0, 0001	0, 0001 ± 0, 0001
обратъ дая	0, 0007 ± 0, 0015	0, 0008 ± 0, 0006	0	0, 0002 ± 0, 0004	0
п:	1531	3760	8298	5000	9100

* Величина ρ для слов *ти*, *таче* бралась как отношение их частот к количеству глагольно-именных сочетаний.

** При вычислении средней складывались значения ρ , полученные из каждого текста, и их сумма делилась на число текстов.

бывшую годоу вечерньому (л. 53в) и т. п. В обоих сочинениях Нестора, особенно в «Житии», относительно велика частотность глагольно-именных сочетаний, включающих выражения типа *къ тому*, *къ симъ* и им подобные с характерным объектным или причинным значением. Примеры из «Чтения»: и *къ тому* не требующю древняныя ноги (л. 106б), она же ошюти ся и *къ тому* не виде святою (л. 114б) и др. Примеры из «Жития»: *къ симъ* же и блюдын да не къ мне речено боудеть (л. 26г), не могын *къ тому* ничьто же (л. 62в) и т. п. Из табличных данных следует, что в агиографических сочинениях Нестора употребительность указанных слов и выражений существенно выше, чем средняя по 7 другим привлеченным для сравнения текстам житийного характера.

В тех частях «Повести временных лет», из которых извлекалась выборка, слов *ти*, *таче* вообще не оказалось, а словосочетание с элементом типа *къ тому* зафиксировано лишь в одном случае, что указывает на ничтожную вероятность данных языковых деталей в тексте «Повести». Наблюдения над всем ее текстом по двум основным спискам показали, что использование указанных слов и выражений ограничивается в нем единичными случаями, а это полностью подтверждает показания выборки. Данные по другим исследованным летописям приводят к заключению, что эти языковые средства были вообще нехарактерны для летописно-повествовательной речи. Поэтому их ничтожная частотность в «Повести временных лет» еще не может служить свидетельством непричастности Нестора к ее составлению. Во всяком случае трудно предположить, что он не знал складывавшихся в его время традиций летописного повествования или не придавал им значения.

Вместе с тем между «Чтением о Борисе и Глебе» и «Житием Феодосия Печерского» обнаружались и различия. В частности, они касаются употребительности в составе глагольно-именных конструкций выражений *по томъ*, *по семь*, *по сихъ* в значении «после». Примеры из «Чтения»: *по томъ* же созда Владимиръ церковь (л. 92в), и *по томъ* чудеса сътвориша святая (л. 115а) и т. п. Примеры из «Жития»: *по томъ* же пакы оумилосръдивъши ся на нь (л. 29а), *по сихъ* же посла единого отъ братия (л. 37б), и *по сихъ* излезъше вьнь (л. 62г) и т. п. В «Чтении» Нестор применял в основном одно и то же выражение *по томъ*, что придает стилю данного сочинения

некоторую однообразность и монотонность. В «Житии» его литературная речь становится более гибкой и разнообразной: с одинаковой вероятностью употребляются выражения *по томь* и *по сихъ*. Как видно из таблицы, частотность данных выражений в «Житии» не выходит за рамки средней по 7 агнографическим текстам.

Совершенно иная картина обнаружилась в «Повести временных лет». В ее тексте наиболее существенна употребительность выражений *по семь*, то есть как раз тех, вероятность которых у Нестора близка к нулю. Однако и это не может рассматриваться как серьезный аргумент против участия Нестора в создании «Повести». Данные по другим летописным текстам показывают, что выражения *по семь* достаточно обычны для летописных записей за XII—XIII вв. Традиции их использования идут, несомненно, от летописания XI в. Вот поэтому они применялись и в «Повести временных лет».

В «Житии Феодосия Печерского» обращает на себя внимание пристрастие Нестора к частому использованию ряда глагольно-именных конструкций, вероятности которых у него существенно выше, чем в прочих исследованных агнографических текстах, в том числе и в «Чтении о Борисе и Глебе». Имеются в виду сочетания следующих типов:

1. С предлогом *на* и винительным падежом имени (*на+вин. п.*) в значении цели: *поучивъ ю еже на пользу* (л. 35б), *на прельщение емоу оуготова* (л. 34в) и т. п.

2. С предлогом *по* и винительным падежом имени (*по+вин. п.*) в значении многократно повторяющегося действия. Эти конструкции включают характерные определения в виде формы местоимения *вьсь*: *делати по вся дни* (л. 39а), *по вся ноци творяхоуть* (л. 44б) и т. п.

3. С предлогом *с* и творительным падежом имени (*с+твор. п.*) в значении образа действия тоже с характерными определениями в виде форм местоимений *вьсь*, *всякъ*: *послоушая... съ всемъ вниманиемъ* (л. 27г), *оувещавааше я съ всякимъ съмерениемъ* (л. 49в) и т. п.

Из табличных данных следует, что по употребительности этих сочетаний «Чтение о Борисе и Глебе» находилось в пределах средних показателей по агнографическим текстам, но «Житие Феодосия Печерского» уже явно вышло за их рамки. Высокая употребительность перечисленных конструкций придает данному сочинению Нестора особый стилистический ко-

лорит. При этом необходимо отметить, что среди сочетаний типа *ни + вин. п.* с целевым значением в «Житии» высока частотность таких, которые включают существительное *потреба*: *пскоупиль... иконы и ино еже на потребу* (л. 41б), *подая намъ вся на потребу* (л. 55а) и т. п. Как видно из таблицы, по употребительности трех указанных типов глагольно-именных сочетаний «Чтение» не отличается от «Повести временных лет». Но это обстоятельство не является, конечно, свидетельством принадлежности Нестору «Повести», так как по данному признаку она не отличается от средних показателей по агиографическим текстам. Точно так же отличия «Жития» от «Повести» в этом отношении не говорят еще против причастности Нестора к ее составлению, поскольку они касаются разных по жанру текстов.

Языковые различия между «Чтением о Борисе и Глебе» и «Житием Феодосия Печерского» требуют объяснения и оценки. Одной из их причин наверняка является одновременность создания Нестором этих сочинений. «Житие» написано им какое-то время спустя после «Чтения», когда автор мог исходить уже из иных стилистических установок, сложившихся, например, в связи с расширением его литературного кругозора или под сильным влиянием каких-либо известных в то время произведений житийного направления. Определенную роль могла сыграть специфика предмета повествования и связанные с нею жанровые отличия «Чтения» от «Жития». «Чтение о Борисе и Глебе» посвящено князьям-мученикам, которые хотя и были причтены к лику святых, церковными подвижниками не были. Поэтому данное сочинение Нестора нельзя рассматривать как типичное агиографическое произведение. Недаром оно и называется не «Житием», а «Чтением». Напротив, «Житие Феодосия Печерского» посвящено личности подвижника церкви и по всем признакам является типичным житийным сочинением. Так или иначе, но совершенно ясно, что язык агиографических сочинений Нестора, хотя и имел ряд общих черт, вовсе не отличался постоянством, как в свое время представлялось С. А. Бугославскому, а был подвержен изменениям под влиянием факторов, которые должны были играть важную роль в формировании на Руси средневекового литературного этикета. Этот вывод о подвижности языка и стиля Нестора имеет принципиальное значение. Из него следует, что Нестор, если он действительно был

летописцем, мог при создании летописи применять тип языка, который не имел очевидного сходства с языком его агнографических произведений.

Следует особо отметить еще ряд глагольно-именных сочетаний, употребительность которых в «Житии Феодосия Печерского» не слишком велика, но тем не менее существенно выше средней по агнографическим текстам. Это сочетания следующих типов:

1. С предлогом *по* и существительным *обычай* в дательном падеже, которое не имеет каких-либо определений, в значении образа действия: *делааше по обычаю* дело свое (л. 30а), *приде по обычаю...* Изяславъ (л. 40б) и т. п.

2. Беспредложные сочетания с глаголом *печися*, *попечися* и творительным падежом имени в объектном значении: *яко ть попечеть ся нами* (л. 45б) присно *печеть ся нами* (л. 52а) и т. п.

3. Беспредложные сочетания в объектном значении с весьма характерным лексическим наполнением и смыслом: и съмери ся намъ *образъ дая* (л. 29в), собою *образъ* всемъ *дая* (л. 36г) и др.

Анализ табличных данных позволяет говорить о том, что по употребительности этих выражений «Житие Феодосия Печерского» явно противопоставлено прочим агнографическим сочинениям, а по частотности сочетаний типа *по обычаю*, *печися нами* и «Чтению о Борисе и Глебе». Следовательно, наличие и высокая употребительность всех этих выражений в «Житии» является его специфической чертой. Устойчивой чертой литературной речи Нестора является, видимо, и употребление выражений типа *образъ дая*, так как они присутствуют в обоих его агнографических сочинениях, но ни разу не встретились в привлеченных для сравнения житийных текстах.

В то же время сопоставление показывает, что по частоте использования выражения *по обычаю* «Повесть временных лет» явно сближается с «Житием Феодосия Печерского», отличаясь от других летописных текстов. Что же касается выражений вроде *печися нами*, *образъ дая*, то по их частотности «Повесть» тоже не отличается от «Жития Феодосия Печерского», но вместе с тем сходна и с другими летописными текстами. Следовательно, общей специфической чертой этих двух сочинений в данном случае безоговорочно можно признать лишь высокую употребительность в их текстах выражения *по обычаю*.

Должна быть отмечена и такая особенность стиля Нестора. В «Чтении о Борисе и Глебе» зафиксировано 2, а в «Житии Феодосия Печерского» 5 случаев, когда в авторской речи вместо обычного прошедшего времени глаголов использованы формы настоящего. Примеры из «Чтения»: погубить его *посылаеть* (л. 97в), на другаго *посылаеть* (л. 100а). Примеры из «Жития»: Феодосиемъ того *нарицають* (л. 27б), съ нимъ *отъходитъ* отъ града (л. 34а) и др. В агиографических сочинениях, бытовавших на Руси в XI—XIII вв., если судить по сохранившимся рукописям этого периода, такое явление, связанное, вероятно, с традициями византийской агиографии, встречается редко. Поэтому есть некоторые основания рассматривать эпизодическое применение форм настоящего времени глаголов вместо прошедшего как одну из особенностей литературной речи Нестора.

Наблюдения показали, что для летописных записей о событиях XI—XIII вв. и более ранних случаи употребления глаголов настоящего времени вместо прошедшего нехарактерны: за редкими исключениями в исследованных летописях подобные случаи отсутствуют. Таким исключением, между прочим, оказался Ипатьевский и сходные с ним списки «Повести временных лет», отражающие третью ее редакцию, в которых имеется по 4 замены форм прошедшего времени настоящим в одних и тех же контекстах. В Лаврентьевском и сходных с ним списках «Повести», отражающих ее вторую редакцию, таких замен нет. Следовательно, обнаруженное явление можно считать специфической особенностью именно третьей редакции. Возможно, данная особенность связана с тем, что третья редакция «Повести временных лет», как и первая, была составлена в Киевопечерском монастыре и потому лучше, чем вторая, возникшая в Киевском Выдубицком монастыре, отразила языковые особенности первой. Как бы то ни было, наличие в «Житии Феодосия Печерского» и в «Повести временных лет» третьей редакции случаев использования настоящего времени глаголов вместо прошедшего сближает эти два сочинения.

Наконец, необходимо обратить внимание еще на одну черту повествовательной манеры Нестора, которая отчетливо проявилась в «Житии Феодосия Печерского». Она касается организации текстового материала и состоит в следующем. Описания разнообразных эпизодов и ситуаций, служащих для

прославления добродетелей и благочестия Феодосия Печерского, Нестор обычно завершает выражениями, звучащими как обобщение, вывод из предшествующего повествования. Таких случаев в «Житии» 6: *сице бо ти бе* тьщание къ богу блаженааго и духовнааго оца нашего Феодосия (л. 42 и), *таково ти бе* того моужа съмеренне и простость (л. 42 г), *сицева ти бе* любви блаженааго и *сицево* млєрдие къ оученикомъ своимъ (л. 50 а—б), *таково бо бе* млєрдие великааго оца нашего Феодосия (л. 51 а), *тако ти* тьщание *бе* къ богу надежа преподобнааго Феодоса (л. 55 б), *сицева ти бе* блаженааго оца нашего Феодосия молитва (л. 56 б—в). Как видно из цитированных отрывков, в своей начальной части они очень сходны по лексическому наполнению и синтаксической структуре. Подобные словесные формулы для других бытовавших в древности на Руси агнографических сочинений нехарактерны, что и дает право относить их на счет особенностей речевой манеры Нестора. Отсутствуют они и в большинстве исследованных летописных текстов. Исключением опять оказалась «Повесть временных лет»: оба основные списка памятника содержат по 4 употребления сходных формулировок в соответствующим образом организованном текстовом материале. Значит, и по этому признаку между «Повестью» и «Житием» обнаруживается соответствие.

Таким образом, язык Нестора, отраженный в его агнографических сочинениях, имеет сходство с языком «Повести временных лет» по трем характерным признакам: высокой употребительности выражения *по обычаю*, наличию замены прошедшего времени глаголов настоящим в авторской речи, использованию «итоговых» словесных формул вроде *сице бо ти бе...*, *таково ти бе...* и т. п. Но этого едва ли достаточно для решения проблемы Нестора в его пользу.

Тем не менее сходные стилистические черты, обнаруженные в сравниваемых текстах, были тщательно проанализированы. В результате такого анализа открылась поразительная картина. Оказалось, что лингвистические признаки «Повести временных лет», сближающие ее с «Житием Феодосия Печерского» и отчасти с «Чтением о Борисе и Глебе», сосредоточены почти исключительно в летописной статье 1074 г. Так, 7

из 8 зафиксированных в выборке по «Повести временных лет» глагольно-именных конструкций с выраженном *по обычаю* содержится именно в этой статье: *по обычаю* целовавъ братью (Лавр. л., стб. 183; Ипат. л., с. 129), *по обычаю* празднова светло (Лавр. л., стб. 186; Ипат. л., с. 130), и единою *по обычаю*... поча клапятися (Лавр. л., стб. 192; Ипат. л., с. 135) и т. п. Чтобы убедиться в достоверности показаний выборки, был просмотрен весь текст «Повести временных лет» по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам. В итоге оказалось, что выражение *по обычаю* использовано в нем всего 10 раз, включая и те 7 случаев, которые приходятся на статью 1074 г. Следовательно, эта статья, как и «Житие Феодосия Печерского», действительно отличается аномально высокой частотностью выражения *по обычаю*. Далее было установлено, что из 4 случаев использования глаголов настоящего времени вместо прошедшего, зафиксированных, как указывалось, в списках, отражающих третью редакцию «Повести временных лет», 2 находятся также в летописной статье 1074 г.: и *посылають* по нь... и *умолять* игумена (Ипат. л., с. 133).

Кроме того, были обнаружены и другие показательные совпадения в выражениях между «Житием Феодосия Печерского» и летописной статьей 1074 г. Из 2 сочетаний вроде *пещися нами*, встретившихся во всем тексте «Повести», 1 содержится все в той же статье: и обещася *пещися монастыремъ* (Лавр. л., стб. 187; Ипат. л., с. 132). Одно из 4 использованных в «Повести временных лет» сочетаний с элементом типа *къ тому* зафиксировано именно в статье 1074 г.: и *къ сим* воздержанье имети отъ многого брашна (Лавр. л., стб. 184; Ипат. л., с. 129). Единственное встретившееся в «Повести» выражение вроде *образъ дия* содержится опять-таки в этой статье: и *образъ бывати собою* въздержаньемъ и бденьемъ (Лавр. л., стб. 184; Ипат. л., с. 129). Единственный случай использования союза *ти*, зафиксированный в Лаврентьевском списке «Повести временных лет», приходится как раз на статью 1074 г.: яко разве хлеба *ти* воды ясти ему (Лавр. л., стб. 189). Нельзя не заметить близкого сходства этого выражения с одним оборотом из «Жития Феодосия Печерского»: и ядь же нль бе ржань хлебъ тъкмо *ти* вода (л. 35г). В Ипатьевском списке, правда, соответствующее место читается с союзом *и*, а не *ти*, что скорее всего является следствием обновления языка. Наконец, из 4 выражений вроде *сиче бо ти бе...*, таково

ти бе..., встретившихся в «Повести временных лет», 3 использованы опять же в летописной статье 1074 г.: *тако бо бяше любы в браться тои* (Лавр. л., стб. 188; Ипат. л., с. 132—133), *таци бо беша* любовници и сдержьци и постнници (Лавр. л., стб. 189; Ипат. л., с. 133), *таци ти быша* (в Ипат. сп.: *таци же беша*) черноризци Феодосьева монастыря (Лавр. л., стб. 198; Ипат. л., с. 139).

Все это дает достаточные основания говорить о несомненной зависимости одного из рассматриваемых текстов от другого. Она станет понятной, если учесть, что и «Житие Феодосия Печерского», и летописная статья 1074 г. совпадают по основному предмету изложения—личности Феодосия Печерского. Эта зависимость получит самое естественное объяснение, если автором статьи 1074 г. признать Нестора. Правда, в данном случае нельзя полностью исключать влияние сочинения одного автора на сочинение другого, но это менее вероятно. Действительно, сходные языковые черты, проявившиеся в «Житии Феодосия Печерского» и в летописной статье 1074 г., в глаза не бросаются. Недаром и выявлены они были не путем обычного наблюдения, а в результате применения вероятностно-статистической методики. Едва ли поэтому кто-то, кроме самого Нестора, мог так последовательно применить их при составлении обоих сравниваемых текстов. О Несторе как авторе статьи 1074 г. свидетельствует и известное указание Поликарпа, сохранившееся в составе двух Кассиановских редакций «Киевопечерского патерика»¹⁹.

Как на препятствие к признанию Нестора автором летописной статьи 1074 г. обычно указывают на расхождение содержащихся в ней данных с данными «Жития Феодосия Печерского». Некоторые исследователи склонны придавать значение малейшим несоответствиям между ними. Неправомерность такого подхода очевидна. Получается, что Нестор и в своем высоком по жанру «Житии», создававшемся по византийским агиографическим канонам, и в рассказе, предназначенном явно для летописного или подобного ему текста, обязан быть совершенно тождествен самому себе в излагаемых фактах и их оценках. За таким подходом стоит представление о неподвижности, неизменности взглядов Нестора или имевшегося у него запаса сведений, игнорировании им требований литературного этикета, а оно может быть далеко от истины. К тому же сравниваемые сочинения обнаруживают не

только различия, но и сходства по целому ряду сюжетных деталей. На каком основании приоритет отдается расчлененным, а не совпадениям? Решающее значение должно быть придано полученным лингвистическим данным, которые говорят в пользу того, что автором статьи 1074 г. был Нестор. Речь идет именно об авторстве, а не редакторской работе Нестора, так как свойственные его повествовательной манере стилистические приемы обнаружались в статье 1074 г. в значительном количестве и распределены по ее тексту довольно равномерно.

Однако возникает другой вопрос: какой из двух сопоставляемых текстов зависит от другого? По ряду соображений более вероятной представляется зависимость летописной статьи 1074 г. от «Жития Феодосия Печерского».

Действительно, летописный рассказ содержит повествование о четырех печерских монахах (Дамиане, Иеремии, Матфее, Исаакии), тогда как «Житие Феодосия Печерского» упоминает из них только Дамиана. Привлечение Нестором в «Житии» материала о Дамиане объясняется, безусловно, тем, что его можно было с успехом использовать для прославления Феодосия. Но не меньшие возможности в этом плане давал и материал об Исаакии, как это видно из статьи 1074 г. Отсутствие его в «Житии Феодосия Печерского» можно объяснить тем, что «Житие» Нестор писал, когда Исаакий, умерший при игумене Иоанне, который возглавил монастырь после смерти Никона в 1088 г., был еще жив. В статью 1074 г. рассказ об Исаакии мог быть внесен, разумеется, лишь какое-то время спустя после его смерти, когда «Житие Феодосия Печерского» было уже готово. В пользу того, что его возникновение предшествовало составлению летописной статьи 1074 г., свидетельствует и такое наблюдение. В «Житии Феодосия Печерского» нет повествования о предсказании Феодосием места погребения супруги Яна Вышатича Марии, а в летописной статье 1091 г. оно имеется. По-видимому, эта статья возникла позднее «Жития». В противном случае было бы непонятно, почему Нестор, который старательно подбирал материал для его составления, не использовал в нем такой выгодный эпизод с предсказанием Феодосия. Но, как можно полагать, летописная статья 1074 г., равно как и 1051 г., была составлена тогда же, когда и статья 1091 г., то есть после создания Нестором «Жития Феодосия Печерского». Можно высказать еще одно соображение: если «Житие» и статья 1074 г. принадлежат Нестору,

тору, имеют сходство по предмету изложения и лингвистическим признакам, но различаются в жанровом отношении, то зависимость между ними логичнее связывать с влиянием более высокого жанра на менее высокий, то есть «Жития» на летописный рассказ, а не наоборот.

Исследователи «Повести временных лет» давно обратили внимание на то, что летописные статьи 1074 г., а также 1051 г. и 1091 г. написаны одним автором. Но если статья 1074 г. принадлежит Нестору, то с его авторством следует, очевидно, связывать и две другие статьи. В какой-то мере об этом говорят и наблюдения над их языком.

Нельзя сказать, что в статьях 1051 г. и 1091 г. имеются столь же многочисленные совпадения языковых черт с агнографическими сочинениями Нестора, особенно с «Житием Феодосия Печерского», как это обнаружилось в статье 1074 г., но ряд показательных соответствий все же есть. Так, в статье 1051 г. употреблена целевая конструкция с предлогом *на* и существительным *потреба*: приносящие же ему *еже на потребу* (Лавр. л., стб. 157, Ипат. л., с. 110). В летописной статье 1091 г., как и в статье 1074 г., использовано выражение типа *печися нами*: но и *мирьскими печешесе* о душах ихъ (Лавр. л., стб. 211—212). В Ипатьевском списке, правда, это место читается несколько иначе: но и *мирьскими печалися душами* (Ипат. л., с. 148), но здесь, видимо, сказалось поновление языка. Вполне возможно, что отмеченные соответствия, несмотря на их единичность, не случайны и указывают на авторство Нестора, так как цитированные выражения характерны для его литературной речи. При всем этом в языке и стиле летописных статей 1051 г. и 1091 г. нет ничего такого, что резко отличало бы их от статьи 1074 г. Следует допустить и возможность ослабления сходства двух этих статей по языку с агнографическими сочинениями Нестора в результате их позднейших редакционных переработок. А. А. Шахматов в свое время считал, что при составлении летописной статьи 1051 г. рассказ о начале Киевопечерского монастыря, написанный Нестором, подвергся существенной переработке. Ее следствием, по А. А. Шахматову, стали и те противоречия, которые имеются между статьей 1051 г. и «Житием Феодосия Печерского»²⁰. Что касается летописной статьи 1091 г., то никаких существенных расхождений с Несторовым «Житием» в ней вообще нельзя усмотреть. Значительную роль Нестора в составлении статьи 1091 г.,

кстати, допускал и А. А. Шахматов. Он предполагал, что Нестором в текст первоначальной редакции этой статьи, написанной составителем Начального свода конца XI в., было внесено повествование об обретеннии мощей Феодосия Печерского и похвала ему. Впрочем, А. А. Шахматов заметил, что такое распределение материала статьи 1091 г. между составителем Начального свода и Нестором является только догадкой²¹. Значит, данная статья может принадлежать Нестору от начала до конца.

Итак, в результате проведенного исследования получены существенные данные, которые позволяют считать Нестора Печерского автором рассказа, помещенного в «Повести временных лет» под 1074 г. С его авторством вероятнее всего связаны и рассказы, читающиеся в ее составе под 1051 г. и 1091 г. Это дает право рассматривать Нестора не только как писателя-агиографа, но и как летописца. Однако вопрос о том, можно ли его считать составителем первоначальной редакции «Повести временных лет» на основании только этих данных положительно решен быть не может и требует дальнейших исследований, так как не исключено, что летописные статьи 1051 г., 1074 г., 1091 г. были внесены в создаваемый текст «Повести» не самим Нестором, а каким-то другим летописцем, использовавшим сочинения Нестора.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть // Летопись занятий Археологической комиссии. Вып. 29 Пг., 1917
2. Билярский П. С. Замечания о языке Сказания о св. Борисе и Глебе, приписываемого Нестору, сравнительно с языком летописи // Записки Академии наук. Т II Кн. 2. СПб., 1862.
3. Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды отдела древнерусской литературы Т. IV. М.; Л., 1940. С. 11.
4. Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности Нестора // Известия отделения русского языка и словесности. Т. XIX. Кн. I. 3 СПб., 1914.
5. Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1938. С. 115; Он же. Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение // Советская книга. 1948, № 4. С. 119.
6. Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977 С. 113—144
7. Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. Т. 25 1918. С. 314
8. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 80—102.

9. Русинюв В. Н. О некоторых особенностях языка и стиля «Жития Феодосия Печерского» и «Сказания о Борисе и Глебе» по «Успенскому сборнику» XII—XIII вв. // В памяти огнества Горький, 1989.
10. Лихачев Д. С. Указ соч. С. 15.
11. Головин Б. Н. Язык и статистика М. 1971. Крамер Г. Математические методы статистики. М., 1975.
12. Памятники древнерусской литературы. Вып. 2 СПб., 1916.
13. Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.
14. Синайский патерик. М., 1967.
15. Выгодский сборник. М., 1977.
16. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Изд. 2. Т. 1. Вып. 1—3 Л., 1926—1928.
17. Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871.
18. Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1916 С. 22, 27.
19. Патерик Киевопечерского монастыря. СПб., 1911. С. 96, 247.
20. Шахматов А. А. Житие Антония и Печерская летопись // ЖМНП. 1989. Ч. 316.
21. Шахматов А. А. Повесть временных лет. I т. Вводная часть. С. XXIV—XXVI.

ФИННО-УГОРСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВВЕДЕНСКОГО

И. Л. Станкевич

ЯРОСЛАВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

При изучении древнерусских археологических памятников значительный интерес представляет проблема взаимоотношения различных этнических компонентов, в конечном счете образовавших древнерусскую народность. Применительно к Волго-Окскому междуречью этой проблемой занимался ряд исследователей¹. Характерно, что все они для изучения данной проблемы привлекали в основном материал погребений. Это вполне понятно, так как погребения обычно имеют четко выраженные этнические признаки: особенности погребального обряда, типичный набор инвентаря, в первую очередь украшений, связанных с характерным костюмом. Однако вряд ли стоит сбрасывать со счета и материалы самих поселений с их гораздо более многочисленными находками. Особый интерес представляют сельские поселения, поскольку археологический материал городов не всегда адекватно отражает местную

этническую ситуацию из-за более интенсивного обмена населения и возможности проживания в городах приезжих (купцы, ремесленники и пр.).

Слабое привлечение археологического материала сельских поселений к исследованию проблемы формирования древнерусской народности вызвано, по-видимому, тем, что эти поселения труднее обнаружить и вдобавок они к настоящему времени, как правило, дошли в плохом состоянии: чаще всего их культурный слой распахивался². Поэтому немалый интерес представляет материал, полученный при исследовании селища хорошей сохранности—Введенского, которое располагается недалеко от одноименного села Некрасовского района Ярославской области на правом берегу Волги в 34 км ниже Ярославля и занимает примерно 1 га. Оно не подвергалось распахиванию и сохранило культурный слой примерно полуметровой мощности. К настоящему времени экспедицией Ярославского университета на территории Введенского раскопано около 2000 м². В культурном слое можно выделить два горизонта: нижний (ранний) и верхний (поздний), хотя многочисленные остатки ям—подпольных, подпечных, хозяйственных—затрудняют членение на два комплекса всего обнаруженного материала.

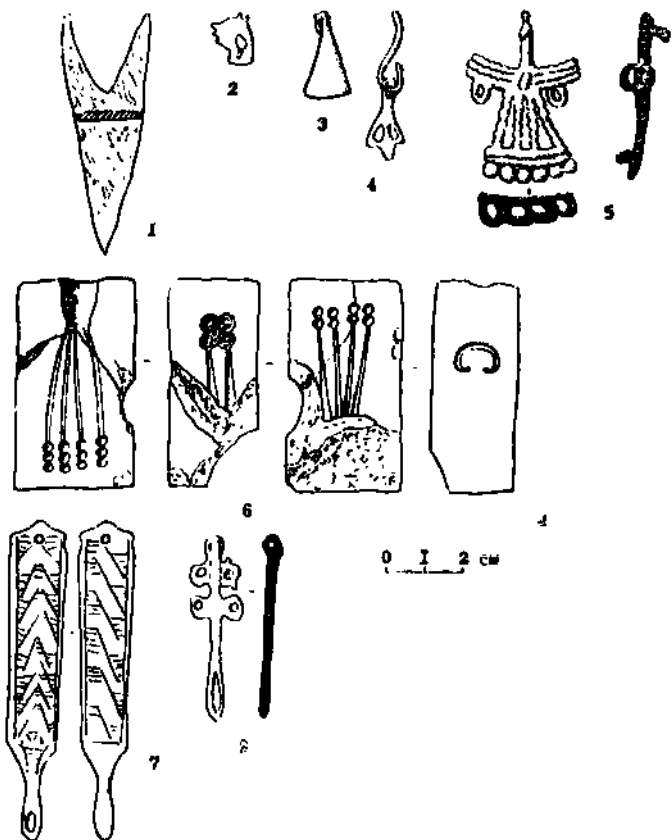
Поселение возникло в X в. и, судя по керамике, преобладающим населением в нем с самого начала были славяне. По фрагментарному керамическому материалу (свыше 250000 черепков) была выработана типология сосудов³. Выделено 19 типов: 5 типов мисок (2 лепных и 3 гончарных) и 14 типов горшков (3 лепных, 2 примитивно-круговых и 9 гончарных). Даже в нижнем комплексе около 80% составляет гончарная посуда, а в верхнем ее количество доходит до 89%. В то же время среди лепной керамики есть типы посуды, которые могут быть связаны с финно-угорским населением Ярославского Поволжья. Это лепные горшки с горизонтально срезанным венчиком, нередко украшенным по верху нарезкой или вдавлениями. Таких сосудов среди лепных горшков нижнего комплекса около 56%, среди верхнего—47%. Если учесть, что лепные горшки в общем количестве керамики занимают второстепенное место, то соотношение финно-угорской и славянской посуды примет иной характер. В пересчете от общего объема финно-угорская керамика составляет в нижнем комплексе 11%, в верхнем—5,2%. Конечно, не исключено, что и часть

других лепных сосудов могла относиться к финно-угорским традициям, но фрагментарность материала не дает возможности выделить таковые, например, по пропорциям (для финно-угорской керамики в отличие от славянской характерна, по наблюдениям исследователей, приземистость¹). Аналогичным лепным горшкам с горизонтально срезанным венчиком встречены на Сарском городище², Сунгирском⁶, Конке⁷, в Белоозере⁸, в дославянском слое Ярославля⁹.

И. В. Дубов высказал предположение о мерянской принадлежности круглодонной посуды, встреченной на Тимеревском комплексе¹⁰. Во Введенском вообще нет круглых донеч. Нет их, кстати, ни на бесспорно финно-угорском Конке, ни на Сарском городище. Поэтому, видимо, правы исследователи, считающие круглодонные сосуды хотя и финно-угорскими, но не характерными для Ярославского Поволжья, привнесенными скорее всего прикамскими финнами¹¹, отличавшимися от местных.

Среди богатого вещевого материала Введенского есть ряд предметов, финно-угорское происхождение которых несомненно. Так, среди значительной коллекции ножей (98 экз.) небольшая часть (9 экз., т. е. 9,2%) может быть отнесена к выделенному А. Е. Леонтьевым мерянскому типу¹². Из них 8 экз. встречены в нижнем горизонте. Среди 23 наконечников стрел 2 наконечника могут также считаться финно-угорскими: это черешковые срезы без упора (рис. 1) типов 58 и 59 по типологии А. Ф. Медведева¹³. Финскими по происхождению являются также части бронзовых украшений—шумящих подвесок (рис. 3, 4), в том числе головка конька (рис. 2), являющаяся, возможно, частью двуглавой привески (типа VII по Е. А. Рябину¹⁴). Они встречены в верхнем горизонте. В нижнем комплексе была обнаружена каменная литейная формочка (рис. 6), предназначенная для отливки зерни и мелких деталей украшений. Аналогичная этой формочке есть на Сарском¹⁵ и Дурасовском¹⁶ городищах, а также в могильнике на Чортовом городище в Поветлужье¹⁷. Все это указывает на финно-угорскую принадлежность литейной формочки.

Одна из бронзовых деталей шумящего украшения заслуживает особого внимания. Это изображение орла в геральдической позе: голова с выступающим клювом анфас, распростертые крылья. Под крыльями и по низу живота располагаются петельки, к которым когда-то привязывались шумящие

1—наконечник стрелы-срезня; 2—5—бронзовые детали шумящих украшений; 6—каменная литейная форма; 7—костяная копушка; 8—копушка из свинцово-оловянистого сплава

подвески. На спинке и на груди орла—тоже петельки (рис. 5). По технике изготовления (литье по восковой модели, сделанной из проволоченных скрученных нитей) это украшение типично для финно-угров Ярославского Поволжья, хотя изображения орла на данной территории встречаются чрезвычайно редко¹⁸. Гораздо характернее такие сюжеты для более восточных регионов, начиная с Прикамья¹⁹, и далее—в Западной Сибири²⁰. Конечно, единичная находка, не подкрепленная,

как отмечалось выше, круглодонной керамикой, не может говорить о присутствии прикамских финнов на поселении, но о связях Ярославского Поволжья и Прикамья эта находка дает дополнительные сведения. Она входит в комплекс материала нижнего горизонта Введенского.

Как в раннем, так и в позднем комплексах Введенского обнаружены костяные копоушки — одна целая (рис. 7) и 5 фрагментированных. Все эти копоушки «мерянского» типа, плоские, с резным флажковым орнаментом и имеют аналоги на Сарском городище²¹, в мерянских захоронениях Тимерева²², в Поветлужье²³.

В позднем горизонте культурного слоя Введенского обнаружена копоушка, отлитая, видимо, из оловянисто-свинцового сплава (рис. 8). Е. А. Рябинин отнес подобные копоушки к «костромскому» типу²⁴, предполагая производство их в Костромском Поволжье. 3 экз. копоушек этого типа действительно были обнаружены в данном регионе. Экземпляр с Введенского явно незакончен производством: одно из верхних отверстий в петельке не пробито после отливки, что может свидетельствовать о местном происхождении предмета.

Все перечисленные находки позволяют фиксировать во Введенском с самого начала существования поселения небольшую (если судить по керамике — примерно 10%) примесь финно-угорского населения. При этом из вещей, непосредственно связанных с мужским обиходом, могут быть названы лишь охотничьи стрелы. Все остальные финно-угорские вещи и керамику можно считать принадлежностями женщин. Ножи могли употребляться как женщинами, так и мужчинами (кстати, в одном из курганов могильника близ Введенского было найдено женское захоронение с мерянским ножом). В литературе давно доказана исключительно женская принадлежность копоушек²⁵. Шумящие украшения тоже чаще были принадлежностью женского костюма. Наконец, литейная формочка могла быть связана с домашним женским производством украшений: Л. А. Голубева²⁶ убедительно показала, что в среде финно-угорского населения передельным литьем украшений из цветных металлов занимались в основном женщины.

Среди упомянутых находок наиболее интересна подвеска в виде орла. Сходные подвески еще до недавнего времени входили в комплект шаманского костюма у народов Сибири²⁷.

Е. П. Горюнова²⁸ обратила внимание на типологическую близость шаманов и волхвов, чья деятельность в Верхнем Поволжье известна по древнерусским письменным источникам. Это наталкивает на мысль о том, что во Введенском какое-то время мог обитать один из служителей языческого культа.

Если даже считать привеску-орла атрибутом мужского шаманского костюма, все равно ее находка косвенно свидетельствует о наличии во Введенском и женщин финно-угорского происхождения. То, что здесь фиксируется наличие именно финно-угорских женщин в славянской среде, вполне объяснимо брачными связями пришлого славянского и автохтонного финно-угорского населения: при патрилокальности браков женщины приходили в общину мужей. Они по традиции продолжали делать привычную керамику, носить и изготавливать характерные украшения и лишь в последующих поколениях утрачивали свои этноопределяющие признаки. Как выяснено этнографами и антропологами, эндогамия характерна для этносов на всех ступенях их развития, но эндогамность практически не бывает абсолютной, и ее прорывы особенно усиливались во время расселения части этноса на новых землях среди местного населения. Иногда это выражалось в «ксеногамии» — поощрении браков пришельцев с местными женщинами, но запретом отдавать своих девушек в чужие общины²⁹. Однако могли быть и двусторонние брачные взаимоотношения. Взаимными были, по-видимому, брачные связи и в исследуемый период: археологические материалы финно-угорского городища Конок (Ярославский район) при подавляющем преобладании местной финно-угорской керамики содержат в слое X в. лепную посуду со славянским волнистым орнаментом. Обычно такие случаи объясняют славянским влиянием. Однако, по нашему мнению, говорить надо скорее о том, что славянки, попадая в финно-угорскую среду, изготавливали посуду в своих традициях.

А. Е. Леонтьев и Е. А. Рябинин предложили схему постепенной ассимиляции финно-угров Верхнего Поволжья³⁰. Согласно этой схеме взаимодействие между автохтонным и пришлым этническими массивами началось на втором этапе проникновения славян на эту территорию. Однако если учесть, что данный этап датируется 2-й пол. X—XI вв., то надо признать, что в ряде пунктов славянские поселения появились лишь в это время. Тогда же, очевидно, возникло и Введенское.

славянское население которого завязало мирные отношения с автохтонным финно-угорским населением сразу же после основания поселка.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872; Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья в 1 тыс. н. э. // МИА. 1961, № 94; Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в 1 тыс. н. э. // МИА. 1941, № 5; Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982; Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы и формы ассимиляции летописной меря (постановка вопроса) // СА. 1980, № 2.
2. Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР. М., 1985. С. 97.
3. Банова В. А., Саенко В. В. Керамический комплекс поселения Введенского // Проблемы и история изучения древнерусских памятников Верхнего Поволжья. Деп. в ИНИОН АН СССР, № 29977 от 24.06.1987.
4. Горюнова Е. И. Указ. соч.; Леонтьев А. Е. Поселения меря и славян на оз. Неро // КСИА. М., 1984, № 179. С. 26.
5. Эдинг Д. Сарское городище. Ростов-Ярославский, 1928.
6. Воронин Н. Н. Из ранней истории Владимира и его округа // СА. 1959, № 4. С. 74—81.
7. Коллекция керамики городища Копок хранится в ЯрГУ.
8. Голубева Л. А. Вещь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973. С. 147—149.
9. Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле // МИА. 1949, № 11. С. 186.
10. Дубов И. В. Указ. соч. С. 16.
11. Смирнова Л. И. Лепная керамика Тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции // СА. 1987, № 2. С. 95—96.
12. Леонтьев А. Е. Классификация ножей Сарского городища // СА. 1976, № 2.
13. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VIII—XIV вв. // САИ. 1966. Вып. Е1-36.
14. Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси. X—XIV вв. // САИ. 1981. Вып. Е1-60.
15. Эдинг Д. Указ. соч. Табл. VI, № 4.
16. Горюнова Е. И. Указ. соч. Рис. 53, № 6, 7.
17. Халиков А. Х., Безухова Е. А. Материалы к древней истории Поволжья. Горький, 1960. С. 20—21.
18. Горюнова Е. И. Указ. соч. Рис. 67, № 2—4.
19. Оборин В. А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермь, 1976. Табл. 8—12.
20. Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. Рис. 25.
21. Эдинг Д. Указ. соч. Табл. IV, № 1—5.
22. Фехнер М. В. Изделия косторезного производства // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 40.
23. Халиков А. Х., Безухова Е. А. Указ. соч. С. 28, 47.
24. Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в период средневековья. Л., 1986. С. 83.

25. Фехнер М. В. Указ. соч. С. 40.
26. Голубева Л. А. Женщины-литейщицы (к истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. 1984, № 4.
27. Косарев М. Ф. Указ. соч. С. 187—188.
28. Горюнова Е. И. Указ. соч. С. 144—145.
29. Денисова Р. Я. Популяционно-антропологический аспект этногенеза // СЭ. 1987, № 6. С. 44—46.
30. Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Указ. соч. С. 71—77.

УГЛИЧ—ДРЕВНЕЙШИЙ РУССКИЙ ГОРОД НА БЕРЕГАХ ВОЛГИ

Н. Д. Русинов

ГОРЬКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

1. Выяснено, что славянизация Угличского Верхневолжья происходила в последние века 1-го тысячелетия н. э. и представляла собою освоение этой территории восточными кривичами и ильменскими словенами, что до них здесь обитали меряне и, может быть, балты¹. Несомненно, что для этнической консолидации кривичей и словен и для ассимиляции славянами неславян в Угличском Верхневолжье и, вместе с тем, для развития на этой основе местной культуры важную роль играл Углич как экономический и административный центр этой области. Когда же Углич возник? В древней восточнославянской письменности неугличского происхождения прямых сведений о поре и причинах его возникновения не имеется. А в местных угличских летописях, Супоневской и Серебрянниковской, об этом рассказано по-разному:

а) В Супоневской летописи ее анонимный модернизатор и редактор XVIII в. изложил версию, якобы выдвинутую В. Н. Татищевым, будто Углич был основан южнодревнерусскими племенами угличей, которых при князе Владимире Святославиче Киевском покорил его воевода Свенельд и с прежнего места жительства, на р. Орели (она же—Угол, в бассейне Днепра), переселил на р. Волгу². Но эта версия явно вымышлена самим анонимным редактором, так как у В. Н. Татищева в его «Истории российской» сказано лишь, что племена угличей жили по р. Углу, или Орели³. Кроме того, в Московском летописном своде конца XV в. говорится,

что воевода Свенельд подчинил киевской власти угличей (уличей, улучей, лутичей, лютичей) не при Владимире Святославиче, а при князе Игоре, в 914 г., причем угличи тогда были переселены или сами переселились не на Волгу, а на Днестр⁴. Близкие к этому сообщения разной степени полноты имеются под тем же 914 г. в Вологодско-Пермской, Пискаревской, Холмогорской и в некоторых иных летописях, а в Новгородской первой младшего извода—под 940 г.⁵

б) В Серебренниковской угличской летописи XVIII в. воеводе Свенельду в основании Углича отведена совсем другая роль. Он якобы был послан киевским князем Владимиром в 933 г., чтобы жителей, обитавших поблизости от Углича, переселить в него⁶. Сам же Углич, по этой летописи, был воздвигнут в середине X в. неким княжичем Яном Плесковитином (по-иному—Плесковичем)⁷. Разные списки указанного источника не одинаково уточняют, когда именно в середине X в. возник Углич. Список, хранящийся в Государственной библиотеке СССР в Москве⁸, называет 945 г. В списке, которым в начале XX в. пользовался И. А. Критский и который теперь, видимо, утрачен, говорилось, что первый жилой дом и хозяйственный двор в будущем Угличе были построены в 937 г.⁹ В списках, которые были в распоряжении Ф. Х. Кисселя в 40-е годы XIX в., сообщалось, что Углич строился 7 лет¹⁰. Правда, поскольку между 937 и 945 гг. вмещается как раз 7 с небольшим лет, то, значит, только что указанные хронологические данные разных списков Серебренниковской летописи согласуются, и получается, что Углич строился с 937 по 945 г.

в) При этом дата 945 г. нуждается в некотором логическом уточнении по следующим причинам. Во-первых, Серебренниковская летопись утверждает, что Углич построен «по... повелению... Игоря... в лето 6453 (то есть 945—*Н. Р.*) году»¹¹. Но по «Повести временных лет» известно, что киевский князь Игорь в этот год был убит древлянами¹². Значит, скорее всего, распоряжение Игоря о возведении Углича было дано до 945 г. и постройка—тоже началась до 945 г. Во-вторых, если в 945 г. Углич был построен, то его закладку надлежит опять-таки относить к более раннему времени. Правда, в других утраченных же списках угличских летописей якобы говорилось иное,—что «вдася Игорь в руки печенег, и град начался строитися изволением великой княгини Ольги»¹³, то есть уже после смерти Игоря. Однако это сообщение сле-

дует считать искаженным и недостоверным хотя бы уж потому, что на самом деле Игорь погиб не от печенегов, а от древлян, жертвой же печенегов в 970 г. стал сын Игоря Святослав¹⁴.

г) Поскольку о построении Углича Яном Плесковичем в 937—945 гг. в других летописях ничего не сказано, то можно как будто сомневаться в реальности этого факта. В частности, можно предположить, что составитель Серебрянской летописи Григорий (Фока) Серебренников (Серебряков) был плохо осведомлен о хронологии излагаемых им событий и именует Яном Плесковичем Яна Вышатича, киевского воеводу, который, судя по «Повести временных лет», действительно был в Верхисволжье в 1071 г.¹⁵ Но догадка о тождестве Яна Плесковича и Яна Вышатича и о возникновении Углича в XI в. или даже позднее тоже далека от истины, хотя некоторыми исследователями и высказывается¹⁶. Опровергают эту точку зрения археологические находки бытовых предметов на территории современного Углича и вблизи от него, датируемые X в. и более ранним временем: нож, костяной гребень, амулет-астрал, часть остроги, лепная и гончарная керамика, остатки то ли жилого, то ли хозяйственного сооружения, слитки серебра, монеты и т. п.¹⁷ Некоторые из этих предметов были найдены археологами внутри угличского Кремля. Из случайных местных находок очень показателен клад серебряных восточных монет VII—IX вв. и серебряных слитков, обнаруженный на Малой стороне Углича—на линии бечевника¹⁸. На основании совокупности указанных археологических материалов надо считать, что в X в. в районе современного Углича было какое-то большое поселение (может быть, даже не одно) и что в его состав, видимо, входила и крепость-город.

2. Иначе говоря, получается, что указания угличских летописей о возникновении Углича в X в. верны, если не в подробностях, то в главном. Надо полагать, что Углич был основан в X в. как укрепленная товарная перевалочная база Ростова на одной из важнейших его торговых дорог. Ведь он с магистральным путем «из варяг в греки» и одновременно с Киевом и с Новгородом был связан через реки Устье и Улейму, через верховья Волги и через местные волоки. Один из них тянулся от Улеймы к Волге. Он начинался там, где Улейма (возле теперешних деревни Дерябино и села Чурьяково) уходит в сторону от Волги, и шел к Каменскому или Селива-

нову ручьям, впадающим в Волгу. Здесь неизбежно должен был появиться какой-то перевалочный пункт. Им и стал Углич — подобно тому, как приблизительно через 70 лет после этого для Ростова стал нужен и возник Ярославль, то есть другой опорный пункт, но на пути от Ростова не «в варяги» или «в греки», а по р. Которостли к Волге и по ней «в хвалесты», или «в хвалессы»¹⁹.

3. В общерусских летописях обнаруживаются косвенные свидетельства в пользу версии Григория (Фоки) Серебrenникова, что Углич был основан по повелению киевского князя Игоря. Новгородская первая летопись младшего извода по Комиссионному списку в числе событий X в. на Руси указывает: «Сей же Игорь нача грады ставити и дани уставити словенном и варягом даяти, и кривичем и мерям дань даяти... и паки приведе себе жену от Плескова именем Ольгу»²⁰. Правда, эти события не датированы, но рассказ о них помещен перед повествованием о происшествии 920 г. К тому же во Владимирской, Вологодско-Пермской, Пискаревской, Псковской третьей, Софийской первой, Холмогорской и в некоторых иных летописях прямо или косвенно женитьба Игоря на Ольге отнесена к 902—903 гг., а начало княжения Игоря приурочено к 911—913 гг.²¹. Стало быть, Углич мог возникнуть по повелению киевского князя Игоря не только в 937—945 гг., как сказано в Серебrenниковской летописи, а и много раньше.

4. В исторической литературе об Угличе обычны утверждения, будто он на страницах общерусских летописей впервые упоминается под 1148—1149 гг. с названием *Угличе Поле* или *Угличе Поле* и что это название для Углича исконное²². Имеется в виду, в частности, следующий текст Лаврентьевской летописи: «Иде Изяслав Новгороду ис Киева в помощь новгородцем на Гюргя... и сам с новгородци дошед Волгы... и не успе ничто же Гюргеви, и дошед Угличе Поля поворотися Новгороду»²³. Однако здесь отнюдь не очевидно, что название *Угличе Поле* относится только к Угличу, а не ко всему Угличскому Верхневолжью²⁴. Ведь оно тоже называлось *Угличе (Угличе) Поле* или, упрощенно, *Поле*. Например, в духовной грамоте угличского князя Владимира Андреевича Храброго от 1401—1402 гг. читаем: «А на Угличе Поле дал есмь княгине своей село Богородское со всеми деревнями и с лугы и с лесом»²⁵. Бесспорное же обозначение Углича словосочетанием *Угличе (Угличе) Поле* находим в общерусских летописях

дний под 1293 г., например, в Московском летописном своде конца XV в.: «они же... много градов избиша: Володимерь, Суздаль... Угличо Поле,—а всех градов взяша 14»²⁶. В дальнейшем название *Угличе (Угличе) Поле* применялось к Угличу еще и в начале XVI в.²⁷. Почему же Углич в XIII—XVI вв. в своем названии содержал теперь отсутствующий элемент *Поле*? Не было ли это название для Углича исконным? Ни памятники письменности, ни археологические, ни иные палингвистические источники сами по себе на эти вопросы ответов не содержат.

5. Нельзя умолчать о том, что большинство исследователей древнерусской истории (если не принимать во внимание угличских краеведов) обычно считали и считают, что Углич возник в XII в., то есть фактически исходят из указанного летописного упоминания Углича Поля под 1148—1149 гг. Так, М. П. Тиломиров создал трехэтапную схему возникновения древнерусских городов и по ней отнес Углич к третьей хронологической категории—«города с посадами XII—XIII вв.»²⁸. Схему М. П. Тиломирова в общем принял и А. Н. Насонов²⁹. Практически из той же схемы исходит и так же датирует возникновение Углича В. А. Кучкин в своих исследованиях о Ростово-Суздальской земле X—XIII вв.³⁰. Явной ошибкой перечисленных ученых надо считать, конечно, то, что они не столько на основании досконально выясненного времени основания древнерусских городов строят или признают трехэтапную схему их появления, сколько его подгоняют под эту схему. Во всяком случае именно так получилось в отношении Углича, дата основания которого в общерусские летописи не попала. Но из этого следует, что сведения о ней, имеющиеся в угличском летописании, и результаты косвенной палингвистической проверки ее нуждаются в дополнительной лингвистической аргументации.

6. Не обращая внимания на сложную и долгую историю закрепления за Угличем его теперешнего названия *Углич*, многие историки-палингвисты с давних пор пытаются связать происхождение этого названия с каким-либо конкретным углом на поверхности Угличского Верлневоляжья и выдвигают разные необоснованные, лингвистически непримлемые гипотезы:

а) Существует мнение, будто название Углича связано с его расположением между двумя угловидными излучинами

(зигзагом) Волги или с расположением Угличского кремля на мысу у впадения в Волгу Каменского ручья³¹. Но это объяснение несостоятельно, потому что в выражении *Угличе (Углеце) Поле* с помощью *Угличе (Углеце)* характеризуется поле, а не город.

б) Существует мнение, будто Углич сначала был основан не на правом берегу Волги, а на левом—на горе Богоявленке, то есть в углу, образуемом впадением в Волгу р. Корожечны, и будто на правый берег Волги Углич перенес князь Андрей Васильевич Большой Горяй лишь во второй половине XV в. Это мнение получило выражение в работах И. А. Тихомирова³². Это мнение приняли за истину и «увековечили» писатель В. Язвицкий в романе об Иване III³³—и писатель А. П. Ладинский в романе о Владимире Мономахе³⁴. Однако мнение И. А. Тихомирова противоречит очевидным фактам. Ведь при постройке Угличского гидроузла в 1935—1940 гг. гора Богоявленка была перекопана до основания, и на ее месте прорыли судоходный шлюз, но никаких следов древнего города при этом обнаружено не было. Кроме того, наиболее древние археологические находки на территории современного Углича датируются, как было сказано, вовсе не второй половиной XV в., а куда более ранним временем.

в) Существует и другая версия перенесения Углича: будто он сначала возник у устья Грехова ручья, то есть тоже в углу, но около XII в. был заново построен у устья Каменского ручья. Эта догадка тоже печатно изложена И. А. Тихомировым и аргументирована тем, что местность возле впадения Грехова ручья в Волгу именуется Городище³⁵. Однако, как теперь известно после археологических раскопок П. Н. Третьякова, возле устья Грехова ручья существовало укрепленное поселение мерянского происхождения в начальные века н. э.³⁶ и к славянскому Угличу никакого отношения иметь не может.

7. Поскольку название *Угличе (Углеце) Поле* для Углича неисконное, то ждать в его разгадке ответа на вопрос, когда возник Углич, бесполезно. Надо искать какие-то иные косвенные возможности для получения этого ответа. И их дает лингво-текстологический анализ некоторых памятников древнерусской письменности. Прежде всего помогает исследование летописных свидетельств о мероприятиях великого князя владимирского Юрия Всеволодовича зимой 1237—1238 гг. Тогда этот князь, планируя для отпора татаро-монголам собрать войско

на р. Сити и выехав туда из Владимира через Ростов, никак не мог миновать Углича: Сить протекает севернее его, за Волгой, Углич находится северо-западнее Ростова, а Ростов—северо-западнее Владимира. В Софийской первой летописи XV в. об этом сказано так: «Выеха Юрьи из Володимеря, урядив сыны свои в собя место: Всеволода и Мстислава. И еха на Волгу с сыновци своими: с Васильком и с Всеволодом и с Володимером. И ста на Сите станом, ждучи к себе брата своего князя Ярослава и Святослава с полкы»³⁷. Очевидно, что в этой цитате словом *Волга* обозначен Углич. В противном случае пришлось бы думать, что в 1237—1238 гг. никакого Углича еще не существовало, то есть впасть в явную ошибку. Ведь хорошо известно, например, из Лаврентьевской летописи³⁸, что в первой половине XIII в. Углич был уже удельной столицей князя Владимира (Димитрия) Константиновича—одного из тех самых сыновцев, то есть племянников, князя Юрия, которые упомянуты в только что приведенной летописной цитате³⁹. Уяснив, что в XIII в. Углич мог обозначаться словом *Волга*, мы вправе допустить, что то же самое было и в предшествующие века. И верно: памятники древнерусской письменности при изложении событий XI—XII вв. содержат слово *Волга* во всех тех контекстах, в каких речь идет об Угличе. Вот важнейшие случаи:

а) В Московском летописном своде конца XV в. о междоусобной борьбе Ольговичей и Давыдовичей с Мономаховичами под 1135 г. читаем: «поне Мъстиславичъ Всеволод и Изяслав на Ростов с новгородьци, и дошедше Волги, новгородьци вортишася»⁴⁰. В Лаврентьевской летописи под 1096 г. о борьбе новгородского князя Мстислава с ростовским и суздальским князем Олегом и его братом Ярославом рассказано: «Ярослав... прибеже к Олгови и поведа ему, яко идеть Мстислав, а стороже изъимани, и понеде к Ростову. Мстислав же приде на Волгу. И поведаниа ему, яко Олег вспятился к Ростову. И Мстислав понеде по нем»⁴¹. Скорее всего, в той и другой цитатах Волгой названа не только р. Волга, но и поименован г. Углич на ней, так как кратчайший удобный путь от Новгорода на Ростов должен был пересекать Волгу как раз в Угличе.

б) В своем «Поучении», написанном между 1099 и 1125 гг., Владимир Мономах, рассказывая о совершенном им путешествии из Киева в Ростов, упомянул: «Усретоста бо мя слы от братья мося на Волзе»⁴². Надо думать, здесь речь идет тоже

не только о р. Волге, а и о г. Угличе, названном Волгой. Ведь путь из Киева в Ростов пролегал в XI—XII вв. вверх по Днепру и вниз по Волге как раз до того места, где на ней возник Углич. И нелишне заметить, что в указанном выражении Владимира Мономаха слово *Волга* истолковал как обозначение поселения известный русский историк-языковед (угличанин по происхождению) Н. В. Шляков еще в конце XIX в.⁴³

в) В «Повести временных лет»⁴⁴ и в «Сказании о Борисе и Глебе»⁴⁵ говорится, что князь Глеб, вызванный в 1015 г. князем Святополком из Мурома в Киев, отправился туда верхом на коне до р. Волги, а затем водным путем по Волге и Днепру. «И пришедшу ему на Волгу на Поли,—читаем в связи с этим о Глебе в обоих памятниках,— потчеса подь нимь конь во рве и наломи ему ногу мало». В XI в. кратчайший удобный конный путь от Мурома на Волгу для дальнейшего следования к Киеву пересекал р. Клязьму (где-то возле будущих Владимира или Боголюбова), тянулся вдоль р. Нерли (клязьминской) на Ростов, а от него к тому месту, где теперь стоит Углич. Значит, есть основания считать, что и в последней цитате из древнерусских памятников Волгой названы и р. Волга и г. Углич на ней, или даже только г. Углич, причем упомянутый ров—не какая-то случайная естественная яма на дороге, а оборонительное сооружение вокруг угличского Кремля (корень *ров*—представляет собою фонетический вариант корня *ры-*, содержащегося в глаголе *рыть*), Поле же—местность Угличе (Углече) Поле⁴⁶.

8. Таким образом, нельзя утверждать, как это делает, например, В. А. Кучкин, что в древнерусских памятниках при описании исторических событий ранее 1148—1149 гг. Углич не упоминается⁴⁷. В этих случаях его маскирует название *Волга*, возникшее подобно тому, как многие другие древнерусские и старовеликорусские города приобрели наименования по рекам: г. Ветлуга—по р. Ветлуге, г. Вологда—по р. Вологде, г. Кострома—по р. Костроме, г. Молога—по р. Мологе, г. Москва—по р. Москве, г. Нерехта—по р. Нерехте и т. п. И, например, когда мы в Лаврентьевской летописи читаем: «преставися Борис-князь, сын Андреев, на Костроме»⁴⁸,—то полагаем, что тут речь идет не о р. Костроме, а о городе на ней, хотя словесного указания на это и не находим.

9. Обозначение Углича словом *Волги*, скорее всего, могло возникнуть в то время, когда на р. Волге не было еще других

древнерусских городов, так как и любой из них, оказавшись он здесь первым по времени основания, тоже мог бы получить имя *Волга*. А поскольку самым древним из этих городов, как известно, является Ярославль, появившийся между 1010 и 1054 гг. (обычно думают — в 1024 г.) по воле Ярослава Мудрого¹⁰, то Углич должен быть много старше Ярославля. К сожалению, известные в науке памятники древнерусской письменности не содержат контекстов, в которых говорилось бы что-то конкретное об Угличском Верхневолжье в X в. и с помощью которых можно было бы уточнить только что сделанный вывод. Но и без того ясно, что хотя семантико-контекстуальный анализ слова *Волга* как бывшего названия Углича и не позволяет определить дату его основания с точностью до года или десятилетия, все же заставляет искать ее в пределах X в., то есть оправдывает археологические выводы и упоминавшиеся свидетельства угличских летописей на этот счет.

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русинков Н. Д. Лингвистический очерк этнической истории Угличского Верхневолжья. Горький, 1988. Деп. в ИНИОН АН СССР, № 35976 от 28.10.88. С. 38—72.

2. Киссель Ф. X. История г. Углича. Ярославль, 1811. С. 13; Финал Государственного архива Ярославской обл. в г. Угличе, ф. 52, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1.

3. Татищев В. Н. История российская. М., 1962. Т. 1. С. 207, 248—249, 329, 354.

4. ПСРЛ, т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М., 1949. С. 371.

5. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 109; ПСРЛ, Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М., 1959, л. 17; Т. 33. Холмогорская летопись. М., 1977, л. 37; Т. 34. Пискаревский летописец. М., 1978, л. 32 об.

6. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Серебrenниковская летопись. Инв. № 934, л. 13—14.

7. Там же, л. 13—14.

8. Там же, л. 13.

9. Критский П. А. Наш край. Ярославль, 1907. С. 126—127.

10. Киссель Ф. X. Указ. соч. С. 18—21.

11. Серебrenниковская летопись, л. 13.

12. ПСРЛ, Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л., 1926—1928, л. 28—33.

13. Киссель Ф. X. Указ. соч. С. 19 и др.

14. ПСРЛ, Т. 1, лл. 14 об., 23.

15. ПСРЛ, Т. 1, л. 59—60.

16. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М., 1961. С. 24; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, карта.

17. Дубов И. В. Города, величеством слякущие. Л., 1985. С. 118—133; Ерохин В. И. Раскопки в Кремле // Авангард [угличская газета]. 1985. № 141.

18. Ярославские губернские ведомости. Ярославль, 1889. №№ 48—49.

19. Андреев П. и др. Ярославль: Очерки по истории города. Ярославль, 1954. С. 6—7.

20. Новгородская первая летопись. С. 108.

21. Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2, л. 5 об.; ПСРЛ: Т. 5. Софийская первая летопись. Л., 1925, л. 25; Т. 26, л. 17—17 об.; Т. 30. Владимирский летописец. М., 1959, л. 17 об.; Т. 33, л. 31, 37; Т. 34, л. 22, 32 и др. См. также: Татищев В. Н. Указ. соч. С. 111, 372.

22. Дубов И. В. Указ. соч. С. 118. Рейпольский С. Н. Углич: В помощь пропагандисту и агитатору. Ярославль, 1939. С. 13.

23. ПСРЛ. Т. 1, л. 106 об.

24. В других общерусских летописях только что процитированное место изложено иначе. Но и в них Угличе (Угличес) Поле под 1148—1149 гг. не обязательно принимать за название только г. Углича, а не всего Угличского Верхневолжья. См.: ПСРЛ. Т. 5, л. 196; Т. 26, л. 85; Т. 30, л. 100.

25. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950. С. 48.

26. ПСРЛ. Т. 25, л. 201 об.

27. Духовные и договорные грамоты... С. 360.

28. Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 22—43.

29. История СССР, 1969, № 2. С. 61.

30. Кучкин В. А. Ростово-Суздальская земля в X—пер. пол. XIII вв. // История СССР, 1969, № 2. С. 61. Кучкин В. А. [Ответ на запрос из Углича] // Авангард [угличская газета], 1987, № 49.

31. Дубов И. В. Указ. соч. С. 120. Киссель Ф. X. Указ. соч. С. 18—21; Рейпольский С. Н. Указ. соч. С. 12—13.

32. Тихомиров И. А. Ярославское Поволжье: Краткий путеводитель. Ярославль, 1909. С. 3—4.

33. Язвинский В. Иван III—государь всяя Руси. М., 1955. Кн. 1. Гл. 15. «В Угличе». С. 207.

34. Ладанский А. П. Последний путь Владимира Мономаха. Минск, 1987. С. 302.

35. Тихомиров И. А. Указ. соч. С. 34.

36. Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I-м тысячелетии н. э. // МИА. М., 1941, № 5. С. 35.

37. ПСРЛ. Т. 5, л. 252—252 об.; То же самое, хотя и несколько иначе сказано во многих других летописях. См.: ПСРЛ. Т. 1, л. 160; Т. 25, л. 157 об.; Т. 26, л. 126; Т. 30, л. 143 об.

38. ПСРЛ. Т. 1, л. 157 об.—165 об.

39. Некоторые историки, например, И. В. Дубов (см. его: Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 38), полагают, будто князь Юрий Всеволодович из Ростова выехал на р. Сить не через Углич, а через Ярославль и р. Мологу. Ссылаются при этом на свидетельство Новгородской первой летописи младшего извода XV в. В ней сказано, что князь Юрий Всеволодович при вторжении татаро-монголов в его владения «выступил из Володимира, бежа на Ярославль» (Комиссионный список, л. 159 об.—160). Но только что приведенная информация представляет собою сокращение уже процитированного более подробного известия Софийской первой летописи XV в. А именно она, как выяснено, и послужила основой для Новгородской пер-

вой летописи младшего извода (см.: Лихачев Д. С. Русские летописи. М., 1947. С. 143—453). Поэтому в ней «бежа на Ярославль» явно получилось из «ста на Сить станом, ждучи к себе брата своего князя Ярослава», то есть имя князя Ярослава превратилось в название г. Ярославля из-за невнимательного сокращения Софийского текста.

Противоречат указанной новгородской версии о бегстве князя Юрия Всеволодовича в Ярославль и бытующие у сичкарей легенды о сражении при р. Сити древних русичей с татаро-монголами. Этих легенд—две. По одной из них, битва произошла в окрестностях современных сел Боженка и Шелдомеж (теперь в Бежецком районе Калининской обл. у границы с Ярославской обл.), по другой,—около современного с. Станилово (теперь в Некоузском районе на западе Ярославской обл.). Все эти три села находятся в верхней части течения Сити, и ехать туда из Ростова в XIII в. надо было неизбежно через Углич: или по берегам рек Устья, Усаймы, Корожечны и Кадки или по руслам этих рек (по воде или по льду). Иначе говоря, требовалось преодолеть расстояние всего лишь около 200 км, тогда как путь из Ростова в верховья Сити через Ярославль, то есть вдоль или около рек Которостли, Волги, Мологи и нижнего течения Сити представлял бы собою крюк протяженностью много более 300 км.

Правда, в обеих сичкарских легендах конкретное место битвы на р. Сити аргументировано только ссылками на происхождение названий упомянутых трех сел: *Боженка*—якобы по месту, где у князя Юрия Всеволодовича была боженка (полка для икон) или же где Батый побижился «больше на Сить не ходить»; *Шелдомеж*—якобы из *шел до меж* (то есть будто бы Батый дошел до неких меж, а дальше продвигаться не смел); *Станилово*—якобы по месту военного стана то ли русичей, то ли татаро-монголов. Навязность и неубедительность этих объяснений совершенно очевидна: если когда-то на месте с. Боженки и была какая-то полка для икон, то не обязательно князя Юрия Всеволодовича; Батый, если и божился, то не по-русски, а по-монгольски или по-тюркски; *Шелдомеж*—русифицированное географическое название не древнерусского, а, вероятно, угро-финского происхождения; *Станилово*—по образованию притяжательное прилагательное от собственного личного имени или прозвища *Станило*, а не от *стан*. Однако в окрестностях с. Станилово на р. Сити местные жители неоднократно при различных земляных работах находили остатки старинного оружия и воинских доспехов—мечей, кольчуг, шлемов и т. п., что может быть связано только с битвой на р. Сити зимой 1237—1238 гг. и свидетельствует, что она, скорее всего, приключилась где-то около современного с. Станилово.

Писатель-историк В. Ян (Якчевский) в своем романе «Батый» (М., 1960. С. 316) ошибочно принял за истину, что упомянутое с. Боженка находилось не в верховьях, а в низовьях Сити, и в связи с этим допустил некоторые другие географические лягусы.

40. ПСРЛ. Т. 25, л. 37.

41. ПСРЛ. Т. 1, л. 86.

42. ПСРЛ. Т. 1, л. 78.

43. Шляков И. В. О поучении Владимира Мономаха // ЖМНП. СПб., 1900, май—июль. С. 101—125.

44. ПСРЛ. Т. 1, л. 46 об.

45. Успенский сборник. М., 1971, л. 13 б.

46. Указанные известия о пути князя Глеба на Муром в Киев в 1015 г. самые ранние. В. О. Ключевский в «Курсе русской истории» (М.,

1923. Ч. 1. С. 354), опираясь на какой-то не названный им поздний вариант этих известий, полагал, что Глеб тогда достиг р. Волги не у г. Углича, а у устья р. Тьмы, то есть выше не существовавшей еще Твери. Но в варианте, использованном В. О. Ключевским, слово *Тьма*—искажение слова *поле*, объяснимое палеографической похожестью второго па первого в местном падеже единственного числа и, вероятно, плохой сохранностью второго в протографе. Надо учесть в виду и то, что вообще первоначальные древнерусские тексты о князьях Борисе и Глебе, возникшие в конце XI—начале XII вв., вплоть до XVIII в. неоднократно редактировались и искажались (Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1938. С. 101).

47. Кучкин В. А. Ответ на запрос из Углича...

48. ПСРЛ. Т. 1, л. 172 об.

49. Андреев П. и др. Указ. соч. С. 5; Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 113.

МЕТАЛЛООБРАБОТКА В УГЛИЧЕ В X—XVII ВЕКАХ

А. В. Кулагин

УГЛИЧСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВООПИК

Средневековый Углич славился своим кузнечным ремеслом. Об этом говорят письменные источники. Из них ясно, что Углич в средние века экономически и политически был связан с Устюжной Железопольской, а она, «кузница» всей тогдашней Северо-Восточной Руси, представляла собою дальнюю северную волость Угличского княжества, позднее—Угличского уезда¹. Посадское население Углича, как следует из тех же источников, в средние века занималось ремеслами, связанными с обработкой кричного железа, добывавшегося из болотной руды: изготовляло серпы, топоры, ножи, гвозди, удила, замки, ключи, украшения, оружие, колокола. При этом кузнечное производство совершенствовалось и дифференцировалось.

Теперь все сказанное подтверждается и конкретизируется еще и археологическими находками. Их к настоящему времени накопилось уже достаточно много: старинные многослойные ножи, стамески, перовидные и спиральные сверла, пружинные ножницы, зубила, бубенчик, крест-складень (шкрустированный серебром и эмалью), бронзовый витой браслет, фрагменты различных украшений, в том числе—амулет в ви-

де топорика с кружковым орнаментом, топоры, коса-горбуша, наконечник стрелы². Многие из перечисленных предметов датируются X—XII вв. и должны быть признаны изделиями угличского происхождения. Об этом говорит находка литейного тигля и шлака домонгольского времени на территории Угличского кремля³. Особенно много для изучения средневековой угличской металлообработки дали планомерные археологические раскопки возле Грехова ручья (впадает в Волгу чуть выше Углича) и в Угличском кремле в 50-е и 80-е гг. XX в. Для датировки указанных угличских металлоизделий в дополнение к традиционному методу идентификации⁴ применен еще и более точный и объективный новый метод металлографии, основанный на анализе изменения свойств металлов в процессе старения⁵.

К настоящему времени металлографическому анализу подвергнуты уже 53 средневековых угличских предмета—из серебра, бронзы и железа, произведено около 330 измерений свойств сплавов из разных металлов. Такому же анализу недавно подвергнут и известный исторический памятник—угличский «ссылный» колокол. В результате оказалось возможным установить не только хронологию развития в Угличе металлообработки, но и отличительные свойства средневековых металлических сплавов угличского происхождения.

Археологические находки в сочетании с письменными свидетельствами позволяют считать, что уже в раннее средневековье Углич стал значительным центром обработки металлов, что в нем первые мастерские кузнецов и литейщиков располагались в районе Селивановского ручья, в районе бывших Мостовой и Конюшенной улиц и на Малой стороне, где существовала Кузнечная слобода (ныне Кузнечная улица). Позднее металлообработка распространилась и далеко за пределами Угличского посада—в окрестных селениях. Об этом говорят такие их названия, как, например, Бронники.

Кроме изготовления традиционных видов металлической продукции угличские мастера уже в XV в., видимо, приступили к отливке пушек⁶. Об этом можно судить по следующему эпизоду. В 1446 г. Василий Темный осадил Углич, но не мог его взять, пока тверской князь Борис не прислал Василию на подмогу пушечника с пушками⁷. Вероятно, они попались для противодействия оборонявшим город пушкам, изготовленным угличскими мастерами.

Наибольшего расцвета металлообработка в Угличе достигла во второй половине XV в. при местном князе Андрее Большом. Здесь тогда было немало уже мастеров-ювелиров и, вероятно, продолжалась чеканка местной монеты⁸.

К числу ранних произведений углического литейного производства относится знаменитый набатный колокол. Результаты его химического и металлографического анализа показали, что колокол состоит из 82,62% меди, 15,83% олова и 1,55% примесей, сильно корродирован (до 50% объема), имеет твердость по Виккерсу 180 кгс/мм² и, судя по этим признакам, был изготовлен не позднее второй половины XV в. Это согласуется с вырезанной на внешней поверхности колокола надписью о том, что в него «били в набат при убиении благоверного царевича Димитрия» и что колокол «1593 году прислан из города Углича в Сибирь в ссылку во град Тобольск к церкви всемилостивого Спаса, что на торгу, а потом на Софийской колокольне был часобитной, весу в нем 19 пудов 20 ф.»⁹.

При Иване Грозном Углич оставался по-прежнему центром кузнечного ремесла в Верхнем Поволжье. Его подсвечники и шандалы, а также «замки нутряные секирного типа» высоко ценились в Московском государстве. Продолжало тогда развиваться в Угличе и литейное производство. Свидетельство тому—отлитый здесь в 1541 г. по заказу «Ивана сына Бухарина в его отчину в Ростовский уезд» колокол. Он по своим металлографическим показателям близок углическому набатному колоколу—отличается лишь тем, что содержит 3,16% свинца, а окислен на 40% объема и более тверд, то есть менее стар (по сплаву)¹⁰.

Тяжелый удар по экономике Углича нанесла польско-литовская интервенция в 1608—1612 гг.—в нем осталось всего лишь 695 жителей¹¹. Однако к середине XVII в. Углич оправился от разрухи: в нем возродились ремесла, активизировалась торговля, выросли слободы кузнецов, часть их стала работать при местных монастырях. Судя по Писцовым книгам 1674—1676 гг., в Угличе имелось уже 25 кузниц¹². Кроме того, тогда почти в каждом селении Углического уезда функционировали свои собственные кузнецы. В то время из угличских металлоизделий особенно славились не только в Верхневолжье, но и за его пределами гвозди, светцы, цепи, пищали. Основная масса этой продукции сбывалась в Москве¹³. До-

шли до нас и некоторые имена угличских металлообработчиков: Любим, Василий Ворона, Первушка, Федька Фомин, Петрушка Зиновьев сын Гордеев, Родион Григорьев, Илья Ратманов, Григорий Клячкин, Михаил Гаврилов, Федор Михайлов и др.¹⁴.

Свой приоритет в области металлообработки Углич потерял после XVII в., с трудом выдерживая конкуренцию с фабрично-заводским производством нарождавшихся новых русских металлургических центров.

ИСТОЧНИКИ. ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 57, 195, 360, 441—443.

2. Археологический сборник // Труды Государственного исторического музея. Вып. 37. М., 1960. С. 156—166, 167—174.

3. Томенский С. В. Прошлое древнего города // Авангард (Угличская газета). 1987, № 49.

4. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 27—30.

5. Сальдау П. Я., Гушина А. Ф. Применение металлографии в археологии // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1932, № 3—4. С. 49—51. Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М., 1953. С. 48.

6. Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976. С. 62—66. Рубцов Н. Н. История литейного производства в СССР. Ч. 1. М., 1962. С. 5—10.

7. Рубцов Н. Н. Указ. соч. С. 8—10.

8. Киряков Б. М. Углич, Л., 1984. С. 8. Рейпольский С. П. Углич. Ярославль, 1939. С. 20.

9. Теперь этот колокол находится в Угличском музее, металлографическому анализу подвергнут на Государственном ордена Трудового Красного Знамени Угличском часовом заводе. О ссылке в Сибирь и возвращении этого колокола в Углич см.: Лавров Д. В. Угличский ссыльный колокол. Углич, 1913.

10. Копия надписи на этом колоколе не расшифрована. Сам он находится в Угличском музее.

11. Критский П. А. Наш край. Ярославская губерния—опыт родноведения. Ярославль, 1907. С. 164.

12. Труды Ярославской ГУАК. Вып. 2. Ярославль, 1892. С. 111.

13. Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья. Вып. 2. Углич, 1958. С. 7—11.

14. Липинский М. А. Угличские акты XVII в. Ярославль, 1889—1890. С. 12, 64—65, 79 и др.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДЦА НА ВОЛГЕ

Т. В. Гусева

*АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЛУЖБА
ПРИ ОБЛАСТНОМ УПРАВЛЕНИИ КУЛЬТУРЫ*

Расселение восточных славян в Нижегородском Поволжье, основная волна которого приходится на XII—XIII вв., сопровождалось распространением среди них христианства. Ведущая роль в этом принадлежала Владимиро-Суздальскому княжеству. Во 2-й пол. XII—нач. XIII вв. главным опорным пунктом владими́ро-суздальских князей в Среднем Поволжье был Городец на Волге. Поэтому интересно выявить характер и особенности религиозных представлений жителей этого древнего волжского города.

Летописные источники по данному вопросу ограничиваются лишь упоминанием культовых мест: церкви Михаила Архангела, Федоровского монастыря и монастыря св. Лазаря¹. Сведений об их местоположении летописи не содержат, а раскопками их остатки пока не обнаружены. Однако можно полагать, что церковь Михаила Архангела в Городце, как и в Нижнем Новгороде, скорее всего находилась на территории Кремля (детинца). Монастыри в изучаемое время, как правило, располагались за линией городских укреплений, выполняя не только культовую, но и военную функцию. Примером тому могут служить средневековые монастыри Суздаля.

Значительные размеры городецкого посада заставляют думать, что и на его территории находилось несколько церквей. К сожалению, они даже не упоминаются в источниках. Но при этом пристального внимания заслуживает археологический материал. Во время раскопок городецкого некрополя XII—XIV вв. в северо-восточной части посада было замечено, что при устройстве ряда могил использовались обломки кирпича со следами известкового раствора. Без сомнения, это остатки разрушенного монументального строения, каким в то время могла быть только церковь. Да и само кладбище, в течение нескольких столетий функционировавшее в центре по-

сада, могло располагаться только рядом с церковью. К сожалению, участок, где можно было бы предполагать следы фундамента кирпичного строения, в настоящее время не доступен для раскопок. Остается надеяться, что в будущем все же удастся проверить эту гипотезу и в какой-то мере выяснить внешний облик и дату постройки. Однако какими бы многозначительными ни были перечисленные выше данные, они не отражают степени христианизации населения Городца. В этом вопросе незаменимым источником становится материал захоронений.

В Городце захоронения исследовались неоднократно. В 1954 г. И. А. Кирьяновым² в северной части посада (совр. ул. А. Невского) было выявлено 7 захоронений. В 1962 г. А. Ф. Медведев³ обследовал 43 погребения на территории детинца (совр. ул. Кожанова), связав их с разрушением города монголами в 1238 г., и отметил захоронения на ул. Загородной. Многочисленные средневековые захоронения были зафиксированы при прокладке траншеи на ул. Гагарина (северная часть посада) в 1982 г.⁴ Колоссальную по объему информацию дали раскопки городецкого некрополя в северо-восточной части посада. Здесь изучено 340 захоронений⁵.

Кладбище в северо-восточной части посада существовало продолжительное время: погребения расположены тесно, часто перекрывают одно другое. Стратиграфические наблюдения позволяют говорить о том, что верхней датой этого некрополя является начало XV в., скорее всего трагические события 1408 г. Об этом красноречиво говорит незначительная глубина захоронений, совершенных прямо в культурном слое, зачастую на месте разрушенных жилищ, небрежность в оформлении могил.

Все изученные погребения без исключения совершены по христианскому обряду. Покойники лежат в гробах или просто в могильных ямах на спине, головой на запад (в ряде случаев с небольшим отклонением к югу). Лицевая часть черепа бывает повернута влево или вправо, но наиболее характерно прямое расположение. Положение рук у скелетов встречено самое разнообразное: вдоль туловища, одна или обе руки лежат в области таза, в области живота, на груди. Нередко руки согнуты в локтях так, что кисти находятся в области ключиц.

В подавляющем большинстве погребения могильника безынвентарны. Вещи оказались лишь в нескольких погребени-

ях. Это фрагмент железной пряжки (погр. 1а), женские бронзовые украшения, возможно, височные кольца (погр. 109), ножи (погр. 156, 160, 179, 237), фрагменты бронзовых предметов (погр. 155, 200), обломок хрустальной шаровидной бусины (погр. 185), каменный крестик (погр. 210), бронзовый бубенчик (погр. 237). Интересно погребение 217. На груди умершего лежал бронзовый нателный крестик с кришвидными концами, а по обе стороны от него две бусины: зонная стеклянная голубая и сердоликовая бипирамидальная. Видимо, они были надеты на одну нитку и составляли своеобразное ожерелье. В трех случаях были выявлены парчовые очелья (погр. 65, 142, 258), причем в погребении 142 оказались две парчовые ленты. Судя по их расположению, они были вплетены в косы. Во время раскопок на территории детнища в 1962 г. в одном из женских погребений также было обнаружено очелье из золотой ткани с узором, аналогичное, судя по описаниям, очелью погребения 65. А. Ф. Медведев отметил, что подобная ткань привозилась на Русь из Византии и была обычна для XII в.⁶

Обращает на себя внимание характерная деталь погребального обряда некрополя на посаде: погребения с так называемыми каменными подушками. Они встречены на раскопанной территории могильника 52 раза. В одних случаях каменные подушки лежали под черепами, в других—под черепом и между ступнями одновременно, между коленями, на тазовых костях. Неоднократно вместо камней использовались обломки кирпичей.

Помимо Городца эта деталь погребального обряда прослеживается по материалам 24 некрополей 13 древнерусских городов. Общее количество погребений с каменными подушками на этих некрополях более 50⁷. Так же как и в Городце, никакие другие элементы обряда не выделяют эти погребения в отдельную группу. Все захоронения ориентированы головой на запад, руки сложены на груди или на тазовых костях, инвентарь почти отсутствует. Кладбища с подобными погребениями локализуются обычно возле церквей, что лишнее раз говорит в пользу мнения о расположении посадской церкви в Городце рядом с исследованным некрополем.

Древнейшие погребения с каменными подушками открыты в Киеве, Чернигове, Белой Веже и датируются XI—XII вв. В XII—XIII вв. каменные подушки появляются в Новгороде.

Пскове, Старой Рязани, Москве, Суздале, Ярополче Залесском и других древнерусских городах⁸. Видимо, такая деталь обряда в это же время появилась и на кладбище Городца. Исследователи трактуют погребения с каменными подушками как символ христианской праведности умершего⁹. Обращает на себя внимание сравнительно большое количество погребений, совершенных с соблюдением этого обряда в Городце—около 14% всех исследованных захоронений некрополя. Несколько раз отмечены случаи замены камней фрагментами керамики (погр. 233, 261, 262, 273, 293). Аналогов этому не выявлено.

Таким образом, весь исследованный материал не оставляет сомнений в том, что в Городце господствовал христианский погребальный обряд в его самых детальных проявлениях, характерный и для некрополей других древнерусских городов. Отклонения от обряда, которые можно трактовать как языческие, зафиксированы лишь дважды: в погребении 237 в зубах умершего найдены обломки железного ножа, железный нож лежал рядом с погребенным (в области плеча), обнаруженным в траншее на ул. Гагарина.

Подтверждением приверженности городчан христианским верованиям служит и вещевой материал из культурного слоя. Предметы, связанные с христианским культом, найдены в изобилии. И на посаде, и на детинце в напластованиях XII—XIV вв. встречено 37 четырехконечных каменных тельных крестиков и их фрагментов размером от 1,5 до 5,7 см. Изготовлены они в большинстве из сланцевых пород камня, орнамента не имеют. В двух случаях на поверхности крестов процарапаны знаки: процветший крест, знак, напоминающий букву А. Небезынтересно отметить, что при раскопках одной из усадеб XIII в. в восточной части посада (совр. ул. Пржевальского) на полу сгоревшей постройки было найдено 5 целых крестиков одного размера и 4 бракованных. Не вызывает сомнения, что здесь находилась мастерская по изготовлению этих предметов для удовлетворения спроса горожан. Аналогичные кресты-тельники из камня были широко распространены по всей Древней Руси. В Новгороде они датируются XII—концом XIV вв., но большая их часть приходится на XII в.¹⁰

В 1979 г. был найден миниатюрный деревянный крестик и фрагмент креста из опои, на ветвях которого имеются косяе процарапанные кресты.

Более разнообразны по форме и орнаментации кресты-тельники, изготовленные из цветных металлов (15 бронзовых и 1 оловянный). Пользуясь типологией М. В. Седовой, их можно распределить по следующим типам:

1. Кресты-тельники с 3-лепестковыми кривовидными концами и ромбиками в средокрестии (4 экз.). Их размеры—2х2,5 см. Они литые в двухсторонних формах. Такие кресты широко распространены в русских древностях. По новгородским материалам они датируются XIV—началом XV в.¹¹.

2. Кресты-тельники с концами, оформленными в виде пирамидок из 3-х шариков (2 экз.). Размеры подобных крестиков—1,7х1,9 см. Средокрестие у них оформлено в виде вписанных друг в друга ромбиков. В Новгороде такие крестики бытовали с начала XII в. до середины XIII в.¹².

3. Кресты-тельники с прямоугольными и фигурными концами (10 экз.). Все они равносторонние. Поверхность одного украшена четырехременной плетенкой, у другого концы несколько скошены, им придана треугольная форма, ушко массивное. Остальные кресты гладкие. По новгородским аналогиям все они датируются XII—началом XV вв.¹³.

Особый интерес представляют кресты-энколпионы. На поспе найдены фрагмент энколпиона с погрудным изображением святого и оборотная створка креста-энколпиона. Последняя была обнаружена на полу сгоревшей постройки домогольского времени. Предмет, состоящий из 4-х фрагментов, был сильно корродирован. Разобрать изображение на нем удалось только после реставрации. Полностью сохранились три ветви креста. Судя по петелькам на верхней и нижней ветвях, мы имеем дело с оборотной створкой креста-складня. Изображение на ней четкое, нестертое. По технике изготовления крест относится к рельефно-скульптурным. Изображения сделаны в высоком рельефе, линии одежд подправлены резцом, по краю креста идет прямой ободок. В верхней и сохранившейся боковой ветвях креста—погрудные изображения святых. Скорее всего аналогичное изображение было и на утраченной ветви креста. Центральное изображение представляет собой фигуру святителя в рост с благословляющей правой рукой. По обе стороны от центральной фигуры видны буквы, разобрать которые из-за плохой сохранности не удалось. Крест отличают большие размеры (9,2 см.), прямые, слегка расширяющиеся ветви и изящная манера изображения

фигур. Все это характерно для подобного рода древностей Киевской Руси XI в.¹⁴. По-видимому, именно в Киеве было налажено производство таких крестов-энколпионов, а оттуда они проникали в разные уголки Древней Руси, в том числе и в Городец.

Особую группу предметов, связанных с христианским культом, составляют нагрудные иконки, которые носили или на отдельном шнурке, или в сочетании с украшениями в составе ожерелья. В 1982 г. в заполнении хозяйственной ямы XIV в. была обнаружена подвеска-иконка прямоугольной формы размером 2,6х3,0 см из свинцово-оловянистой бронзы. На лицевой стороне изображена Богоматерь Умиление с младенцем на левой руке. Ее правая рука прижата к груди. Христос правой рукой обнимает Богоматерь за шею поверх мафория. Его левая рука вытянута перед грудью Богоматери, ноги сдвинуты вместе, резко согнуты в коленях. Лицом он прижимается к склоненному лику Богоматери. Одежды Богоматери и Христа даны мягкими складками, с искусной их передачей, рельефные нимбы орнаментированы. Иконка имеет рамочку, поднятую на высоту рельефа. На ее оборотной стороне в рамке, прорезанной по краю резцом, помещен процветший крест. Иконографический анализ находки позволяет отнести ее изображение к одному из ранних изводов знаменитой Владимирской Богоматери, только в зеркальном отражении. Возможно, это объясняется зеркальностью отливок с форм, на которых изображение было помещено традиционно. По мнению М. В. Седовой, изготовление образков с изображением Богоматери Умиление носило массовый характер и было налажено во Владимире при Успенском соборе¹⁵.

Где одна интересная находка была сделана в 1986 г. на территории детинца, в землянке, сгоревшей, видимо, в 1238 г. Это амулет-змеевик, отлитый из оловянистой бронзы, диаметром 3,6 см. На лицевой стороне изображена фигура Михаила Архангела в полный рост с мощными опущенными крыльями и лабаром в правой руке. По краю змеевика располагается надпись, но из-за плохой сохранности она не читается. На оборотной стороне угадывается изображение пучка змей. Описанный змеевик идентичен змеевикам XII в., обнаруженным в Новгороде¹⁶. Амулеты-змеевики—интереснейшие памятники двоеверия, смешения христианских и языческих представлений в Древней Руси. Христианская церковь вела ожесточен-

ную борьбу с их употреблением, но они продолжали бытовать в среде верующих.

Находка амулета-змеевика в Городце, а также некоторые детали погребального обряда проливают свет на пережитки язычества в среде городчан. Однако многочисленность и разнообразие предметов христианского культа, устойчивый христианский обряд погребения, зафиксированный сотни раз, упоминание в источниках церкви и монастырей свидетельствует о прочно утвердившемся среди жителей средневекового Городца христианстве.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. С. 87.
2. Кирьянов И. А. Отчет о раскопках в Городце в 1954 г. Рукопись. Архив ИА АН СССР. Р-1, 932. С. 5—7.
3. Медведев А. Ф. Новые материалы к истории Городца на Волге // КСИА. Вып. 113. М., 1968. С. 35—39.
4. Гусева Т. В. Отчет о раскопках в Городце на Волге в 1983 г. Рукопись. Архив ИА АН СССР. Р-1, 9351. С. 67.
5. Гусева Т. В. Отчеты о раскопках в Городце на Волге в 1983—1986 гг. Рукописи. Архив ИА АН СССР. Р-1, 9351, 10386, 10611, 21153.
6. Медведев А. Ф. Указ. соч. С. 38.
7. Макаров Н. А. Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей // СА. 1981, № 2. С. 111.
8. Там же. С. 112.
9. Там же. С. 114.
10. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // СА, 1958, № 2. С. 111.
11. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X—XV вв. М., 1981. С. 54.
12. Там же.
13. Там же.
14. Пуцко В. Г. Древнейшие типы киевских крестов-энколпионов // Труды V международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 26. М., 1987. С. 63.
15. Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978. С. 121.
16. Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 68, рис. 23 [9, 11].

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДЦА НА ВОЛГЕ

Л. Е. Балыкина

ГОРЬКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Современная историческая наука достигла значительных успехов в изучении средневековых русских городов. Большое

внимание уделено проблемам их возникновения, развития ремесел, торговли, культуры¹. Процессы развития городов во многом определяли формирование сложной материальной и духовной культуры Древней Руси. В то же время существует много спорных вопросов и нерешенных проблем, неизученных процессов. К их числу относится вопрос о таких характеристиках средневекового городского населения, как численность, возрастной и половой состав, средняя продолжительность жизни, причины смертности. Палеодемографический анализ населения средневековых русских городов может помочь исследователям наиболее полно представить состояние главной производительной силы изучаемого общества—людей, его составлявших. Численность древних человеческих коллективов, продолжительность жизни и детская смертность в них, соотношение полов и разных возрастных классов были существенными факторами развития производительных сил².

К настоящему времени в нашей исторической науке нет исследований населения средневековых городов Руси. В значительной мере это объясняется скудостью известных письменных источников по данной проблеме вплоть до XVI—XVII вв. Поэтому большое значение приобретают данные, полученные в результате археологических раскопок средневековых некрополей и антропологического исследования останков захороненных в них людей.

Богатые материалы для палеодемографической реконструкции были получены в результате раскопок значительной части средневекового некрополя, расположенного в северо-восточной части посада Городица на Волге³. Этот город, возникший в середине XII в. и игравший заметную роль в истории Северо-Восточной Руси, является древнейшим в Нижегородском Поволжье. Поэтому изучение палеодемографической ситуации в Городице представляет особый интерес для историков.

Стратиграфически, а также находками вещевого материала время активного использования некрополя определяется рамками середины XII—начала XV вв.⁴.

Рассмотрим половозрастной состав населения Городица на Волге в указанный период времени. Всего раскопками было вскрыто 340 погребений. Возраст умерших определялся при помощи общепринятой методик: по степени облитерации черепных швов и состоянию зубной системы. Определение пола

производилось с учетом как морфологического строения черепов, так и строения таза и длинных конечностей⁵.

В 245 из 340 случаев погребенные оказались взрослыми субъектами, то есть людьми старше 15 лет. Они составляют 72,1% от общего числа погребенных. Детских погребений обнаружено 95, то есть соответственно 27,9%, а это несколько больше, чем в других известных некрополях средневековья. Так, в захоронениях столицы Золотой Орды—города Сарай Бату количество детей не превышает 21%. Сравнительные данные по ряду древних некрополей приведены в таблице 1.

Таблица 1

Данные о соотношении (%) детских и взрослых захоронений по 4 древним некрополям⁶

Могильник	Дети	Взрослые
Кокэль (Тува, III в. до н. э.—V в. н. э.)	21,3	78,7
Брянешты (Молдавия, X—XI вв.)	23,4	76,6
Сарай Бату (Поволжье, конец XIV—начало XV вв.)	20,9	79,1
Городец на Волге (сер. XII—нач. XV в.)	27,9	72,1

Таблица 2

Смертность взрослых жителей Городца по возрастным и половым группам

Возраст ⁷	Мужчины			Женщины		
	число	% от общего числа взрослых	% от числа мужчин	число	% от общего числа взрослых	% от числа женщин
Юношеский	15	8,3%	15,5%	14	7,6%	16,8%
Молодой	51	28,3%	52,6%	43	23,9%	51,9%
Зрелый	19	10,6%	19,6%	14	7,8%	16,8%
Старческий	12	6,7%	12,3%	12	6,7%	14,5%
Итого	97	53,9%	100%	83	46,1%	100%

Среди взрослых пол был определен у 180 погребенных. Из них мужчин оказалось 97, женщин 83. Возраст среди взрослых

лых погребенных удалось установить в 188 случаях, что составляет 77% от общего числа. У остальных погребенных пол и возраст не был определен в силу плохой сохранности скелета. Анализ уровня смертности средневековых городчан по разным возрастным и половым группам дал результаты, которые отражены в таблице 2.

В этих данных обращает на себя внимание большой процент смертности в юношеском и молодом возрасте (т. е. до 35 лет). В юношеском возрасте умирали 15,5% всех мужчин и 16,8% женщин. В молодом возрасте умирали 52,6% мужчин и 51,9% женщин. До старческого возраста доживали всего лишь 12,3% мужчин и 14,5% женщин. Для вычисления средней продолжительности жизни средневекового городчанина примем за исходные значения возрастов: юношеский—18 лет, молодой—30 лет, взрослый—45 лет, старческий 65 лет. Результаты расчетов показывают, что средняя продолжительность жизни мужчин была равна 35,4 года, женщин—35,6 года. Таким образом, средняя продолжительность жизни средневековых городчан равна 35,5 годам. С учетом детской смертности средняя продолжительность жизни снижается до 26 лет. Для изучаемого времени эти цифры в целом обычны. К примеру, по данным исследователей, средняя продолжительность жизни кривичей—38 лет, населения золотоордынской столицы города Сарай Бату—39 лет. Сравнительные данные о средней продолжительности жизни людей в древности представлены в таблице 3.

Таблица 3

Данные по продолжительности жизни⁶

Могильник или серия	Мужчины	Женщины	Средняя взрослая	С учетом смертности детей
Вятичи	36,5	35,2	35,9	—
Кривичи	39,5	36,0	38,2	—
Сарай Бату	41,5	36,0	39,1	32,0
Городец	35,1	35,6	35,5	26,0

Высокая смертность городчан в молодом возрасте может быть объяснена несколькими причинами. Это быстрое физическое изнурение в результате тяжелого ручного труда, от-

сутствие медицинской помощи. Среди женщин часты были случаи смерти при родах (например, погребение 95 принадлежало молодой женщине, умершей, видимо, в заключительный период беременности или при родах, так как в полости таза были обнаружены костные останки плода). К гибели значительной части населения города, находившегося в пограничной зоне Северо-Восточной Руси, приводили частые военные столкновения. Подтверждение этому предположению дают археологические раскопки. Среди останков погребенных встречаются черепа со следами сабельных ударов (погр. 8, 50, 133), проломленные черепа (погр. 40, 161, 209, 217), расчлененные скелеты (погр. 228). Особенно тяжелые последствия вызвали, видимо, два разорения Городца монголо-татарами в 1238 и 1408 гг., когда убийства жителей принимали массовый характер. Под 1408 г. находим следующее летописное известие: «Тое же зимы некоторон князь ордископ, именовем Едъген, повельением Булата царя приде ратию на Рускую землю... Взяха же град Переяславль и огнем пожгоша также и Ростов, и Дмитровъ, и Серпоховъ, и Новгород Нижнии, и Городец»⁹. В. Н. Татищев добавляет, что воинство Едигея «власти и села пожгоша и поплениша, людей избиша и плениша. А многе множество христиан от зимы изомроша, бяше бо тогда зима тяжка и студена зело...»¹⁰.

Очень частыми, особенно в XIV в., были эпидемии, уносившие порой полностью население таких крупнейших городов, как Смоленск, Белоозеро¹¹. По подсчетам С. М. Соловьева, менее чем за 200 лет с 1264 по 1448 гг. в летописях встречается 27 известий об эпидемиях на Руси, в среднем приходится одно известие на 5—10 лет¹². В Никаноровской летописи под 1364 г., например, находим такое сообщение: «В Новгороде Нижнем мор бысть на люди вельми силен»¹³. Известно также сообщение о том, что мор в этом году был не только в Нижнем Новгороде, а и «на всем уезде его и на Саре, и на Кише, по странам и властям»¹⁴. Вполне вероятно, что моровые поветрия не раз затрагивали и Городец, расположенный на Волжском торговом пути, по которому не раз эпидемические болезни завозились на Русь с низовой Волги. Вот как описывается эпидемия упоминавшегося выше 1364 г.: «Болезнь же бысть двоякова. Едина прежде яко рогатиною ударит за лопатку или под грудь противу сердца, или меж крыл, и учинится жар, вскоре начнет кровию харкати и огнь зажжет и

разварит, и потом пот великий пойдет, потом дрожь имеет; и полежава день един или два, а ретко кто бы полежава три дни, и тако умираху. Другие железую боляху не единого, иному убо на шие, иному же на стегне, под запазую, под скулою или под лопаткою. И умираху на день человек по седмидесят, по сту и по полутора ста... И бысть скорбь велика по всей земли, и опусте вся земля, и порасте лесом...»¹⁵. Судя по описаниям летописцев, в основном это были эпидемии чумы и холеры.

Кроме потерь при эпидемиях, зачастую происходила массовая гибель людей в результате неурожая и их следствия — голода, последствия которого зачастую превосходили даже потери в крупных военных столкновениях. Так, в 1230 г. только в Смоленске пришлось сделать 4 скудельницы (кладбища для массовых одномоментных захоронений) для того, чтобы похоронить 32 000 умерших от голода горожан¹⁶. С 1230 по 1446 гг. на Руси были отмечены летописцами 19 случаев голода.

Все вышеперечисленные причины и приводили к тому, что средняя продолжительность жизни населения средневековой Руси была столь низкой. Подтверждение этому дают и материалы некрополя средневекового Городца на Волге. Антропологическое изучение останков городчан показало, что каждый третий-четвертый родившийся городчанин умирал, не дожив и до 15 лет и лишь каждый четырнадцатый доживал до 55—60 и более лет.

При изучении демографической ситуации в Городце в XII—XIV вв. вызывает закономерный интерес вопрос о численности городского населения. Письменные источники не дают нам даже косвенных сведений по этому вопросу. Изучение археологического и антропологического материала, к сожалению, тоже не дает возможности для сколько-нибудь удовлетворительных подсчетов. Некрополь Городца к настоящему времени остается изученным не полностью в силу ограниченности свободных площадей для раскопок.

Подсчеты осложняются еще и тем, что период активного функционирования некрополя был очень длительным (около двух с половиной столетий), погребения более позднего периода зачастую нарушают ранний пласт погребений, от которого иногда можно уже найти только разрозненные останки. Если при подсчетах средней продолжительности жизни и по-

довозрастного состава, которые для изучаемого периода являются величинами сравнительно устойчивыми, вышеуказанные обстоятельства можно не считать решающими, то при подсчетах количества населения они могут привести к значительным ошибкам. Кроме того, показатель количества населения, как известно, подвержен значительным колебаниям в зависимости от целого ряда политических, экономических причин, различных миграционных процессов. Поэтому для его получения необходимо учитывать весь комплекс конкретных обстоятельств изучаемого периода. На наш взгляд, при нынешней теоретической неразработанности демографических проблем средневековья любые подсчеты по косвенным данным крайне ненадежны. По-видимому, вопрос о численности населения как Городца, так и других средневековых городов Руси заслуживает пристального и глубокого отдельного исследования, основанного на изучении данных нескольких исторических дисциплин.

В настоящее время мы вправе только отметить, что по меркам XII—XIV вв. в Городце было значительное население, так как об этом говорит уже величина территории города — около 60 га (для сравнения: территория Киева—100 га, Суздаля—70 га, Старой Рязани—50 га, Владимира—40 га, Москвы—4,5 га).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для населения средневекового Городца на Волге характерны сравнительно большая численность, высокая детская смертность, высокий уровень смертности в юношеском и молодом возрасте, низкий процент людей, доживавших до старости. Все эти показатели несомненно оказывали значительное влияние на экономические, социальные и иные аспекты городской жизни.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948; Дубов И. В. Города, величием сияющие. Л., 1985; Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв. // Русский город: исследование и материалы. М., 1983. Вып. 6 и др.
2. Алексеев В. П. Историческая антропология. М., 1979. С. 55.
3. Гусева Т. В. Отчеты об археологических раскопках в Городце на Волге за 1983—1986 гг. Рукопись. Архив кабинета археологии ГГУ.
4. Гусева Т. В. Отчет об археологических раскопках в Городце на Волге в 1985 году. Рукопись. Архив кабинета археологии ГГУ. С. 5.
5. Пашкова В. И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963; Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниология: методика антропологичес-

ких исследований М., 1964; Алексеев В. П. Остеометрия. М., 1966. Антропологические исследования проведены автором в 1983-86 гг.

6 См.: Алексеев В. П., Гохман И. И. Палеоантропологические материалы туно-сарматского времени из могильника Кокзель. Л., 1970; Великаянова М. С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975; Яблонский Л. Т. К палеодемографии населения средневекового города Сарая Бату (Селитренное городище) // СЭ. 1980, № 1.

7 В антропологии принято следующее деление по возрастам: детский — до 15 лет, юношеский — 15—18 лет, молодой — до 35 лет, зрелый — до 50—55 лет, старческий — более 55 лет. См.: Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Указ соч. С. 39.

8 См.: Яблонский Л. Т. Указ соч. С. 144.

9. Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. 27. М.—Л., 1962. С. 243.

10. Татищев В. И. История Российская. М.—Л., 1965. Т. V. С. 233.

11. Там же. С. 115.

12. Соловьев С. М. История Российская с древнейших времен. М., 1960. Кн. 2. Т. 3. С. 546.

13. Сокращенный летописный свод 1493 г. // ПСРЛ. Т. 27. С. 243.

14. Татищев В. И. Указ соч. С. 115.

15. Там же.

16. Соловьев С. М. Указ соч. С. 542.

ДОГОВОР В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Д. Ю. Кривцов

ГОРЬКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В отечественной историографии неоднократно уже отмечалось, что оформление вассально-сюзеренитетных связей в русском средневековом феодальном обществе носило характер «гражданского договора»¹, «свободного договора»² или «тяготело к договорности»³. Договор, являясь основой социальных связей в обществе в целом, в то же время всегда оставался делом глубоко личностным, т. к. в договорные отношения вступали всегда конкретные люди (или группы людей). В этой связи большой интерес представляет вопрос об отражении договора в общественном сознании средневековой Руси. Уточнив место и роль договорных отношений в системе культурных, моральных, этических ценностей средневекового русского общества, определив некоторые особенности восприятия договора русским общественным сознанием, мы сможем луч-

не представить себе специфику «русского» решения проблемы самоопределения личности в системе общественных связей, точнее понять характер и степень влияния личностных факторов на развитие объективного исторического процесса.

Ценностное значение договора в средневековой Руси во многом определялось особенностями обрядности, сопровождавшей заключение договорного акта. Непременным элементом такой обрядности была клятва на кресте—крестное целование, которое и олицетворяло собой вступление в договорные отношения. Отмечая факты заключения договоров, русские летописи акцентируют внимание именно на крестоцеловании. Заключить договор, в понятиях древнерусского книжника, это—«ходить ко кресту», «послать с крестным целованием» или просто «целовать крест». Точно так же нарушить договор—это «переступить крест», совершить «преступление крестное». Договор, не подтвержденный крестоцелованием, не имел обязательной силы.

Привлечение через крестоцелование божественного авторитета в качестве гаранта договора придавало выполнению договорных обязательств характер исполнения священного долга. Верность договору мыслилась как одна из важнейших добродетелей человека; как одна из главнейших его обязанностей в земной жизни. Игумен Поликарп так объясняет князю Ростиславу сущность княжеских функций: «вам (т. е. князьям—Д. К.) повелель богъ въ правду деяти на сем свете и судити въ правду, и въ крестном целовании стояти, и земли Русьские блюсти»⁴. «Богу наказавшию князе креста не переступати»,—вторит словам Киево-Печерского игумена безвестный летописец, рассказывая о бурных событиях 1177 г. во Владимирской земле⁵.

Если же человек преступает «честный крест», то он совершает преступление перед Богом, за которое «и zde принять казнь и на придущемъ веце казнь вечную»⁶. Примером наказания «зде», т. е. в земной жизни, служат для летописца события, связанные с киевским восстанием 15 сентября 1068 г. В этот день великий киевский князь Изяслав Ярославич был вынужден бежать из города, а киевский стол занял освобожденный из темницы Всеслав Полоцкий. Смысл событий этого дня для летописца объясняется просто: когда-то Изяслав нарушил крестное целование к Всеславу и заточил его в поруб, а теперь, в день праздника Крестовоздвижения, «Богъ

яви силу крестную» и избавил Всеслава «огъ рва», а Изяслава обрек на изгнание. Однако гораздо страшней была для христиан угроза «казни вечной», постигавшей клятвopреступника за пределом его земного пути. Об особом значении неукоснительного выполнения договора, скрепленного крестоцелованием, в деле спасения души предупреждает своих детей Владимир Мономах: «Аще ли вы будете крестъ целовати к братъи или к кому... и целовавши блюдете, да не приступиши погубите душе своее»⁷.

Такое настойчивое и последовательное привлечение Бога и крестной силы к свидетельствованию заключаемого между людьми договора объясняется стремлением придать этому договору и возникающим на его основе договорным отношениям характер истинности. Ю. М. Лотман отмечал в этой связи: «Наличие договора подразумевает и возможность его нарушения... возможность различных толкований договора и стремление каждой из сторон вложить в выражение договорных формул выгодное ей содержание»⁸. Но такая «игра словами... превращающая договор в обман, ...немыслима в общении с Богом и миром святости»⁹. Так, например, Владимир Мономах апеллирует к «миру святости» для подтверждения истинности своих намерений заключить мирный договор с Олегом Святославичем Черниговским: «Аще ли лжю, а Богъ мя ведаетъ и крестъ честный»¹⁰.

Столь тесная сопряженность договора с Божьим авторитетом, какую мы видим в русской средневековой общественной мысли, привела Ю. М. Лотмана к выводу, что на Руси «договор как таковой... лишен ореола культурной ценности». По его мнению, введение крестного целования в тех случаях, когда необходимо скрепить договор, свидетельствует о том, что «без безусловного и внедоговорного авторитета он недостаточно гарантирован»¹¹. Средневековой Руси, в общественном сознании которой «служба по договору—плохая служба»¹², Ю. М. Лотман противопоставляет Западную Европу, где «договор, скрепляющий его ритуал, жест, пергамент и печать осеяются ореолом святости и получают высший ценностный авторитет»¹³. Освящение внешней, формальной стороны договора выработало на Западе, по мнению Ю. М. Лотмана, особое «договорное сознание», требовавшее выполнения договорных условий независимо от субъективного отношения человека к этому договору, независимо от моральной сущнос-

ти заключенного договора. Это «договорное сознание обес- печивало устойчивость договорных связей и широкое распро- странение договорного типа отношений в западноевропейском обществе. На Руси же единственным гарантом договора был «внедоговорный авторитет» креста, Бога, и система отноше- ний, основанная на договорных обязательствах, «получает уже весьма рано отрицательную оценку»¹⁴.

На наш взгляд, механизм гарантий выполнения договор- ных обязательств на Руси все же существовал. И состоял он не только в привлечении Божьего свидетельствования. В то время как на Западе пошли по пути развития внешней, фор- мальной правды, придания договору внеморальной ценности, на Руси развивали правду внутреннюю.

Здесь социально-политическую значимость приобрели та- кие категории, как братолюбие, любовь¹⁵. Например, в Ипать- евской летописи под 1155 г. читаем: «Дюрги же сею приемъ в любовь, а ко Мстиславу посла с хрестным целованиемъ и того прия в любовь»¹⁶. В 1157 г. Туровский князь Юрий Ярос- лавич, желая заключить мир, молил Изяслава Черниговско- го: «прими мя, брате, в любовь к себе»¹⁷. Любить друг дру- га завещают своим детям перед смертью Ярослав Мудрый¹⁸, ростовский князь Константин Всеволодович¹⁹, Дмитрий Дон- ской²⁰. Во всех случаях любовь здесь мыслится как гарантия политического единства остающихся без отца братьев. Д. С. Лихачев предположил, что знаменитая формула Лю- бечского договора 1097 г. «каждо держитъ очьчину свою» бы- ла лишь частью более общей формулы: «отселе имемься во едино сердце и съблюдемъ Рускую землю»²¹. Таким образом, и здесь гарантия договора—единение сердец, то есть искрен- няя душевная приверженность принятым на себя обязатель- ствам.

Термин «любовь» для обозначения определенного харак- тера политических отношений известен с древнейших времен и использовался разными народами²². Но на Руси эта катего- рия была исполнена не только политическим, но и глубоким психологическим смыслом. Любовь—это реальное личностное чувство, подлинное устремление человеческого сердца, без ко- торого любой договор неизбежно нарушится. Так было в 1168 г. во время ссоры Мстислава Изяславича с братьями: когда «Мстиславъ на своен правде цлова к ним крестъ, а они к нему целоваста крестъ, а сердце их не бе право с ним»²³.

Вскоре договор был нарушен, и война возобновилась. Даже крестоцелование с его «внедоговорным авторитетом» не помогло Владимиру Мономаху в своем «Поучении» замечает по этому поводу: «Аще ли вы будете крестъ целовати к братъи или кому, а ли управивъше сердце свое, на нем же можете устояти, тоже целуйте, и целовавшѣ блюдете, да не приступни погубите душе своеѣ»²⁴.

В другом своем сочинении, в письме к Олегу Святославичу, Мономах, предлагая примирение черниговскому князю, прежде всего имеет в виду душевное примирение. «Да еже начнеши каятися Богу и мне добро сердце створиши, пославъ соль свои, или епископа, и грамоту напиши с правдою, то и волость възмешь с добром, и наю сердце обратиши к себе, и лепше будемъ яко и преже; несмъ ти ворожити, ни местишкы»²⁵. Здесь ясно видно, что грамоту с «правдой» можно написать лишь после того, как раскаешься в содеянном зле,— в данном случае в убийстве своего крестного сына,— и «створишь добро сердце», то есть отвергнешь те злые страсти и желания, которые привели к этому убийству. Следствием раскаения и морального очищения Олега Святославича должно быть то, что и сердце Мономаха склонится к нему («наю сердце обратиши к себе»). Мономах тоже не будет желать ему зла. Не случайно он отмечает, что в нем нет ни враждебности, ни жажды мести. Лишь после того, как сердца обоих князей утвердятся в «добре» и тем самым осуществится внутренняя «правда», между князьями может быть исполнена и «правда» внешняя, формально-юридическая—волость будет возвращена Олегу, и восстановятся союзнические отношения. Глубокую внутреннюю приверженность договорным отношениям продемонстрировал и сын Владимира Мономаха—Мстислав. Когда в 1127 г. духовенство заставило Мстислава Владимировича преступить крестное целование к Ярославу черниговскому, то он воспринял нарушение договора как большую личную драму: «И сотвори волю ихъ и переступи крестъ къ Ярославу, и плакася того вся дни живота своего»²⁶. «Плакася» даже несмотря на то, что грех за нарушение крестоцелования принял на себя игумен Григорий, формально освободив тем самым Мстислава от договорных обязательств. Но, как видим, для Мстислава Владимировича договорные обязательства имели совсем не формальное значение.

Необходимость внутренней субъективной приверженности договору имела своим следствием то, что на Руси особые тре-

бования предъявлялись к моральной стороне устанавливаемых договорных связей. «В западной традиции договор не имеет оценочной природы: его можно заключить и с дьяволом»²⁷. На Руси же договор всегда выверялся на предмет соответствия его этического содержания общей системе нравственных принципов, господствующей в обществе.

С этой точки зрения договор для русского человека действительно не имел «высшего ценностного авторитета», и выполнение договорных условий зависело от их соответствия более авторитетным в идейном и моральном плане категориям — блага родной земли, христианского братолюбия и человеколюбия. Когда договорные обязательства вступали в конфликт с этими категориями, то общественное мнение считало позволительным и даже необходимым невыполнение этих обязательств. Так, в 1095 г. дружинники обратились к Владимиру Мономаху с предложением убить половецкого хана Итлара и его людей. По сообщению летописи, «Володимеру же не хотяще сего створити, отвеща: бо како се могу створити, роте с ними ходивъ?». На это дружина ответила: «Княже, нету ти в томъ греха, да они всегда к тебе ходяче роте, губят землю Руськую и кровь хрстьянску проливають бесперестани». И далее летописец сообщает: «И послуша ихъ Володимеръ»²⁸. А в 1127 г. игумен Григорий уговаривал сына Владимира Мономаха — Мстислава Великого не выполнять условий договора с князем Ярославом Черниговским, согласно которым Мстислав должен был воевать с захватившим Чернигов Всеволодом Ольговичем. Потому что «аже переступишь хресное целованье, то есть льжее, неже прольяти кровь хрстьянську»²⁹.

Тема отображения договора в общественном сознании средневековой Руси широка и многогранна. И данная статья, конечно, не может претендовать на ее полное и всестороннее освещение. Однако приведенного выше материала, на наш взгляд, достаточно для вывода о том, что договорные отношения, в форме которых представляли реальные социально-политические связи в феодальном обществе, мыслились на Руси прежде всего как отношения моральные³⁰. А такое понимание сути общественных отношений делало силу нравственных убеждений человека политически значимой силой. Личное желание договаривающихся сторон исполнить свой моральный долг перед партнером по договору превращалось в фактор, способствовавший упрочению общественных связей. «Субъек-

тивные убеждения русских деятелей,—как отмечал Д. С. Лихачев,—в конечном счете особенно благодаря своей массовости, становились объективным фактом, воздействовавшим на ход истории»³¹.

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М., 1959. С. 338—339.
2. Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988.
- С 98
3. Лотман Ю. М. «Договор» и «Вручение себя» как архетипические модели культуры. Проблемы литературной типологии и исторической преемственности // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 513. Тарту, 1981.
- С 5.
4. ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 75. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.; Л., 1950.
5. ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 602.
6. Гудзий Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе. Изд. 6-е М., 1955. С. 24.
7. Изборник: Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 152.
8. Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 4.
9. Там же. С. 7.
10. Изборник... С. 166.
11. Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 6. Здесь, в связи с обрядом крестоцелования, уместно, на наш взгляд, будет привести замечание Н. П. Павлова-Сильванского: «Во второй половине удельного периода одна обрядность человека считалась уже недостаточной для закрепления служебного договора, и к этой обрядности присоединяется церковный обряд, целование креста. Такая же церковная присяга, клятва на евангелии, на мощах или кресте, совершалась и на Западе для закрепления феодального договора в дополнение к старой обрядности коммандации или оммажа». (Павлов-Сильванский Н. П. Указ. соч. С. 101—102). Таким образом, привлечение «внедоговорного общественного авторитета» в крестоцеловании не является исключительной русской особенностью. Без такого авторитета не смогло обойтись и западное «договорное сознание».
12. Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 7.
13. Там же. С. 6.
14. Там же. С. 7.
- XV
15. Макаряхин В. П. Объединительное движение на Руси XIV—XV вв. Горький, 1981. С. 29.
16. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 480.
17. ПСРЛ. Т. 25. С. 63.
18. ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926. Стб. 161.
19. Там же. Стб. 412.
20. Красноречие Древней Руси. XI—XVII вв. (Сост. вступ. ст., подгот. древнерус. текстов и коммент. Т. В. Черторицкой). М., 1987. С. 139.
21. Лихачев Д. С. К вопросу о политической позиции Владимира Мономаха // Из истории феодальной России: Статьи и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродин. Л., 1978. С. 35.

22. Сахаров А. И. Дипломатия древней Руси: IX—первая половина X в. М., 1980. С. 66—72.
23. ПСРЛ. Т. 25. С. 78.
24. Изборник... С. 152.
25. Там же. С. 166.
26. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 297.
27. Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 5.
28. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 227. Очень интересно отношение Н. М. Карамзина к этому эпизоду. Он считает Итлара «...жертвою гнусного заговора, который лучшему из тогдашних князей российских казался дозволенною хитростью!» Здесь Карамзин демонстрирует западное понимание договора как высшей ценности, распространенное в русском обществе в XVIII—XIX вв.
29. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 227.
30. С. М. Соловьев считал даже, что феодализм «связывает владельцев цепью собственно одних только нравственных отношений».
31. Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 37.

«СТРОЕЛЬНЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ» МАКАРЬЕВ-ЖЕЛТОВОДСКОГО МОНАСТЫРЯ XVII ВЕКА

Н. Ф. Филатов

ГОРЬКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Стоящий на устье лесного Керженца древний Макарьев-Желтоводский монастырь является не только важным художественным, но и историческим памятником—свидетелем существования с начала XVII и по XIX в. всероссийской Макарьевской ярмарки, социально-религиозного движения раскола жизни его вождей (Аввакума Петрова, Ивана Неронова, Стефана Вонифатьева) и непримиримых противников «ревнителей благочестия» (Никона, Иллариона Рязанского), крестьянской войны под предводительством Степана Разина и частых в XVII в. выступлений народа против могущественного местного феодала-монастыря.

Не все вопросы истории Макарьевского монастыря изучены в достаточной мере, наблюдаются досадные ошибки и разночтения не только в популярной литературе, но и в исследованиях, претендующих на определенный научный уровень. Все это требует внимательного изучения комплекса источни-

ков, связанных с монастырем. Еще большее значение имеет введение в активный научный оборот источников неисследованных или незаслуженно забытых.

В связи с переводом в 1817 г. ярмарки на стрелницу Оки и Волги и ежегодным приездом в Нижний Новгород сотен тысяч торговцев заметно оживился интерес к истории знаменитого торгова. В 1836 г. после обследования архива Макарьев-Желтоводского монастыря П. М. Строев опубликовал комплекс связанных с ним архивных источников XVII в.², а А. Глаголев приступил к написанию сводного перечня памятников древности России³. Сбор исторических материалов для него по специальному правительственному предписанию был возложен на губернские правления и епархиальные ведомства. В октябре 1837 г. указ⁴ о спешной доставке в Министерство внутренних дел сведений о «монастырях, церквях, замках, домах, водопроводах, мостах, развалинах стен, остатках древних дорог и других памятниках древности» пришел в Нижний Новгород и в копиях был разослан по уездам и крупным монастырям.

В ответ на это на исходе 1837 г. макарьевские власти выслали в Нижний Новгород подробную историческую опись⁵ монастыря с данными, которые на протяжении последующих полутора столетий без должного критического анализа перешли из издания в издание⁶.

Однако в созданной еще в XVII в. в Макарьев-Желтоводском монастыре Степенной книге⁷ помещена хроника его исторического развития того времени, где наряду с перечнем игуменов и архимандритов обители приведены сведения о строительстве отдельных зданий ансамбля вплоть до 1679 г.⁸

Авторитет этого исторического источника непререкаем. Тем не менее в силу того, что Степенная книга приводит совершенно иные, чем имеющиеся в литературе, данные, следует подвергнуть «экспертизе» и ее касающиеся нашего сюжета записи. Метод проверки подсказывает сам текст рукописи, воспроизводящей даты строительства отдельных зданий монастыря и смену настоятелей.

До наших дней в разных архивах страны сохранился значительный по объему комплекс подписанных или подлинных актов монастыря за весь XVII в.⁹. Создается возможность практически полной проверки приведенных в Степенной книге записей, в том числе и о возведении зданий ансамбля.

Сразу отметим полное соответствие записей «Строельного летописца» с актовыми источниками XVII в., а следовательно, и высокий его авторитет как исторического источника. При этом появляется возможность уточнить составленную в XIX в. А. А. Титовым¹⁰ хроника смен настоятелей монастыря. Так, Тихон стал игуменом Макарья не в 1631 г., а в 1630 г.¹¹, Пахомий назывался настоятелем не с 1662 г., а лишь с лета 1663 г.¹², Павел именовался архимандритом не с 1673 г., а с марта 1672 г.¹³ и т. д.

О необходимости строгого критического осмысления и заслуживающих доверия источников наглядно говорит история датировки 1670 г. строительства надвратной Михайло-Архангельской церкви. Основанием для этого служит «летописец», высеченный вязью на белокаменной плите и вмонтированный в стену галерей церкви: «Лета 7178 году, июния в день... святых врата и на них церковь собор Архистратига Михаила со всякою церковною утварью, да к той церкви присовокуплена трапеза и братских четыре кельи исподних, а построено по обещанию преосвященным Иларионом митрополитом Рязанским и Муромским».

Можно полагать, что так все и было! К освящению церкви заранее оказался приготовлен и «летописец» (дата предстоящего события не была известна, и камнесечец сделал в тексте пропуск), только оно не состоялось из-за охватившей с весны 1670 г. Поволжье крестьянской войны под предводительством С. Разина. В лежащее прямо напротив Макарья на другой стороне Волги Лысково прибыл атаман Максим Осипов, организовавший 10 октября 1670 г. осаду повстанцами монастыря. Архимандрит Пахомий об этом впоследствии сообщал, что восставшие приступали «нощию к деревянной рубленой стене (часть крепости тогда оставалась деревянной!—Н. Ф.) огненными великими привалы и пушечным боем, а с ьных стран от каменных стен врата монастырские зажгли и из оружия по них стреляли»¹⁴.

Из текста явствует, что «святые» ворота с Михайло-Архангельской церковью на исходе 1670 г. были не только повреждены в результате пищально-пушечного обстрела, но и горели. После этого надвратную церковь восстанавливали два года и только в 1673 г. освятили, что и зафиксировал «Строельный летописец».

Он включает ценную историческую информацию о первооснователе обители Макарии (повторены распространенные

в XVI—XVII вв. сведения его «Жития»), о возобновившем в 1620 г. монастырь Аврамий, а также целый ряд других известий. Поэтому и приводим этот редкий по значимости и информационно насыщенности документ XVII в. целиком.

«О зачале обители чудотворца Макария, яже на Желтых водах, яже и донныне стоит»

(л. 1130) «Макарий преподобный бысть во дни великаго князя и самодержца Василия Васильевича Московскаго и всея Росии, родом нижегородец, посадскаго человека сын, отца именем Ивана, и матери Марии, млад сый пострижеса в Печерском монастыре и оттоле иде в пустыню, не хотя славы от человек, на реку, глаголемую Лух. И ту мало поживе, отыде отгуду отай во внутренюю пустыню на Желтыя воды и ту монастырь созда, и братию собра (л. 1130 об.). И оттоле прозвася Макарий Желтоводский. В лето же 6947 наидоша на обитель его агаряне, злочестивый Махмет скифин от Казани и сын его Маматяк, и разориха обитель ту, братию же посекоша, а самого преподобнаго плениха, и веден бысть ко князю скифскому. Князь же возбрани приведшим преподобнаго, яко такова свята мужа взяша, и отпусти его с честью.

И оттоле пакы отиде в пустыню на реку глаголемую Унжу, от града Унжи за 15 поприщ, и тамо монастырь возгради, и поживе в чернцестве 83 лета, а всех лет поживе 95, успе, а Желтоводския его разореныя обители место, по пленении неверных, и по пришествии на Унжу святаго, 180 лет в пустоте пребысть, и порасте на (л. 1131) месте том великий лес, и незначно сотворися яко была обитель та.

Во время же державы благочестивейшаго государя царя и великаго князя Миланла Феодоровича, всея великия Росии самодержца, некий поселянин именем Алексий Муромец, препрост быше правом, но не умом, прииде жити в Нижегородския пределы в село Мурашкино, и оттуду преиде во град Тетюши. И тамо в болезни прият на ся иноческий образ, и наречен бысть Авраамием, и нача жити пустынным житием в серных горах. И оттуду же по явлению некоему прииде пакы в Нижегородския пределы, в село Лысцево, и нача тамо живущих людей вопрошати о месте том, где прежде бысть обитель преподобнаго Макария. Они же прехождения ради многих (л. 1131 об.) времен и лет не ведяху о том. Авраамий же едва услыша от некоего рыболовца и древодела о месте том, и

позна, где бысть монастырь, и что суть Желтыя воды, и велми о сем возрадовася. И сотвори молитву, нача пребывати на месте том.

Прежде постави себе келлийцу и часовню в лето от создания мира 7128, от рождества же Христова 1620. Потом же Авраамий иде в монастырь преподобнаго Макария на Унжу (и списа тамо образ его, принесе же и постави на месте том, иде же обитель его на Желтых водах бысть, и нача многая чудеса бывати от иконы тоя. Приходящим с верою различныя недуги и болезни уврачевахуся молитвами святаго. Придоша же ко Аврамию монаси и начаша с ним пребывати (л. 1132). И тако монаси един по единому начаша умножатися. По мале же времени Авраамий с братиею воздвиже церковь древяну во имя пресвятыя и единосущныя Троицы да в пределех во имя преподобнаго Макария Желтоводскаго, а в другом—преподобнаго Михаила Малейна. И потом ограду сотвори и многия келии воздвиже. И нарекоша братия того Авраамия строителем.

По времени же некоем в той обители изволением великаго бога и молитвами пресвятыя богородицы и угодника их, преподобнаго нашего отца Макария чудотворца, устроися начало обители той. Первый игумен Арсений во 136 году; по нем же бысть игумен Тихон во 138 году; а по нем бысть игумен Серапион во 143 году; и по сем бысть игумен (л. 1132 об.) Пафнутий во 148 году; в то же лето строитель Авраамий родным свой долг жития преиде и ко господу отиде, пребысть на месте том от начатка обители тоя 20 лет, работая господеву; по нем же бысть игумен Вениамин во 150 году. А по сем бысть игумен Корнилий во 155 году, иже последи бысть митрополит в Казани. И потом бысть игумен Иларион во 157 году, иже последи бысть архиепископ и митрополит в Резани. При сем игумене Иларионе создана и освящена трапеза каменная. в ней же церковь во имя пресвятыя богородицы честнаго ея Успения во 162 году; и потом бысть игумен Варлам во 167 году; а по нем бысть игумен Исайя во 169 году; по сем же бысть игумен Пахомий, иже бысть в той (л. 1133) же обители первый архимандрит во 171. При нем бо начася созидати соборная церковь каменная и стены оградныя. У тоя же церкви приделана церковь во имя преподобнаго отца нашего Макария чудотворца и священа во 160 году, соборная же церковь совершена и освящена во имя пресвятыя и живоначальныя Трои-

цы во 172 году; потом же бысть архимандрит Павел во 181 году, ниже последи бысть архиепископ на Коломне, при нем бо совершена и освящена на вратех каменная церковь во имя собора Архистратига Михаила во 181 году; а ограда каменная вся совершена во 185 году, делана всего 15 лет».

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1 См. Гурьянов И. Историческое обозрение Нижнего Повгорода и переведенной туда Макарьевской ярмарки. М., 1824; Описание Нижнего Повгорода и ежегодно бывающей в нем ярмарки. М., 1829; Полная история Нижегородской ярмарки, прежде бывшей Макарьевской. М., 1833.

2 Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1—4.

3 Глаголев А. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников. СПб., 1838.

4 ГАГО. Ф. 5. Оп. 46, л. 167, л. 2.

5 Там же, л. 24—26 об.

6 См. Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1816. С. 265—290; Титов А. А. Троицкий Макарьевский Желтоводский монастырь. М., 1886; Он же. Троицкий Желтоводский монастырь у старого Макарья (1435—1887). М., 1887; Адрес-календарь Нижегородской епархии на 1901 год. Н. Новгород, 1901. С. 164.

7. Ею пользовался в 1812—1813 гг. П. М. Карамзин.

8. Горьковская областная библиотека. Отдел рукописей. № Ц 26582, л. 1130—1133.

9. Только коллекция ГАГО включает более восьмисот всевозможных актов Макарьев-Желтоводского монастыря XVII в. (Ф. 998. Оп. 588).

10. Титов А. А. Троицкий Желтоводский монастырь... С. 25—27.

11. ГАГО. Ф. 998. Оп. 588, л. 10, л. 2.

12. Там же, л. 71, л. 1.

13. Там же, л. 121, л. 1.

14. Государственная публичная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 775, л. 4559, л. 219.

ИДЕЙНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И ГЕРМАНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА: Х. ВОЛЬФ И В. Н. ТАТИЩЕВ

С. В. Перевезенцев

МГИИ им В И ЛЕНИНА

Взаимосвязи российской и германской культур в первой половине XVIII в. были достаточно тесными. Это во многом

объясняется и близостью географического положения, и схожестью исторических процессов. И в России, и в германских государствах внутри феодальных экономических и политических структур начали развиваться капиталистические отношения. А на их базе ускорилось формирование национальных организмов, активно развивалось национальное самосознание, встали задачи укрепления государства.

Одними из первых уловили эти процессы и стали их выразителями в Германии—Христиан Вольф, а в России—Василий Никитич Татищев.

Философ, политик, математик, физик, естествоиспытатель Х. Вольф (1679—1754) был поистине властителем умов в Германии в XVIII в. Позднее И. Кант называл Х. Вольфа «величайшим из всех догматических философов, который впервые дал пример... того, как именно следует поступать на верный путь науки...»¹. Высоко оценивал вклад Х. Вольфа в становление немецкой культуры и Г. Гегель: «Вольф как учитель, учащий как пользоваться рассудком, дает впервые систематическую разработку наличного философского материала человеческих представлений... Для Германии и даже не только для последней Вольф дефинировал мир сознания...»².

Помимо участия в формировании немецкой общественной, научной, философской мысли Х. Вольф оказал значительное влияние и на становление немецкого литературного языка как важнейшего компонента немецкого национального самосознания—ведь свои основные работы он писал в первую очередь на немецком языке, а не на латинском, как это было принято в то время в науке, и тем самым разрабатывал немецкую научную терминологию³. В силу всех этих причин фигура Х. Вольфа постоянно находится в центре внимания немецкой историографии⁴.

Идейное влияние Х. Вольфа сказывалось и в России. Широко известен тот факт, что Петр I видел Х. Вольфа одним из возможных президентов Российской Академии наук. Х. Вольф состоял в систематической переписке со многими научными и государственными деятелями России. Его книги были во многих личных библиотеках. Учеником Х. Вольфа был М. В. Ломоносов.

В XVIII в. в России неоднократно издавались переводы произведений Х. Вольфа по физике, математике, философии⁵. Автором статьи была проведена сверка всех этих изданий с

оригиналами на немецком и латинском языках. Нужно отметить высокий уровень русских переводчиков, которые не только дословно излагали тексты самого Х. Вольфа (например, М. С. Бегичев при переводе книги «Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды»), но и старались более литературно и более доступно изложить «темные места» оригинала (как это делал М. В. Ломоносов в «Вольфийнской экспериментальной физике»).

Одним из постоянных читателей Х. Вольфа в России был и В. Н. Татищев (1686—1750) — выдающийся российский мыслитель и государственный деятель. В его библиотеках в Екатеринбурге и в Болдино было много трудов Х. Вольфа по философии, этике, математике, физике. В Болдинской библиотеке хранился и экземпляр изданной на русском языке «Вольфийнской экспериментальной физики». В. Н. Татищев с большим уважением относился к личности и идеям Х. Вольфа, часто ссылаясь на его авторитет в собственных произведениях.

Вообще свойственное В. Н. Татищеву, как истинному ученому, постоянное упоминание в своих работах древних и современных ему мыслителей, свидетельствующее о его огромной эрудиции, определило вначале скептическое отношение исследователей к его философскому наследию. В XIX—начале XX вв. было принято считать, что философские взгляды В. Н. Татищева прямо заимствованы, представляют собой компиляцию высказываний западноевропейских мыслителей, в том числе Х. Вольфа и некоторых его последователей⁶. Однако еще Г. В. Плеханов, признавая влияние, оказанное на В. Н. Татищева западноевропейской наукой, показал, что Василий Никитич искал свою дорогу в философии⁷.

Проблема самостоятельности и самобытности историко-философских взглядов В. Н. Татищева остается открытой до сих пор, т. к. исследование идейных истоков его мировоззрения только начинается⁸. Данная небольшая статья не может охватить всех сторон не только этой проблемы, но и полномерного сравнительного изучения воззрений Х. Вольфа и В. Н. Татищева. Поэтому здесь будут кратко изложены и сопоставлены основные мировоззренческие позиции двух мыслителей.

Х. Вольф по праву считается систематиком философской науки в Германии. Он не стремился к эпохальным научным открытиям, как это делал его великий современник Г. Лейб-

ниц; но по-немецки старательно и пунктуально проработав предшествующие учения, использовал в своей системе все, что было можно проверить «естественным разумом» и наукой, отвергая недоказательные положения. Иначе говоря, Х. Вольф хотел создать такую философскую картину мира, которая была бы относительно доступна и понятна. была бы в максимальной степени лишена противоречий.

В XVII—начале XVIII вв. в западноевропейской науке господствовали два основных направления—рационализм и эмпиризм. Сторонники первого направления видели свою задачу в доказательстве приоритета разума и интуитивного знания. Приверженцы же эмпиризма обращали внимание прежде всего на необходимость опытного, чувственного познания. Х. Вольф видел рациональные зерна в обоих направлениях и потому стоял как бы между ними, определив для себя целью показать, как в его «экспериментальной философии» «разум» и «чувства» соединяются⁹.

Во всех своих работах Х. Вольф пишет о необходимости совмещения логического и чувственного познания, об обязательности проверки логических рассуждений экспериментальным путем. Даже чисто логическую категорию «понятие» Х. Вольф связывает с конкретным материальным объектом. В нескольких работах повторяет он в разных вариантах одну и ту же мысль: «Понятие называю я каждое представление всякой вещи в наших мыслях»¹⁰. Более того, в своих трудах по физике он старается найти физиологический механизм возникновения понятий в человеческом мозге: «К чувствованию определены нервы с мозгом сообщение имеющие так, что движение органу сообщенное чрез них до мозга проходит, и от того в нем понятия о материальных вещах рождаются»¹¹.

Но в то же время Х. Вольф постоянно подчеркивает огромное самостоятельное значение разума. Ведь у него отдельное понятие отражает отдельную вещь. Сознание, разум вообще—дар Божий. Последнее положение является краеугольным камнем всей концепции Х. Вольфа: «Человек ничего так презряднейшаго от Бога не получил, как его Разум». При этом Бог—это «самобытная» вещь, а все остальные вещи являются произведенными от Бога¹².

Стремление Х. Вольфа избежать противоречий при совмещении двух противоположных тенденций—рационализма и эмпиризма—породило новое противоречие, когда иррацио-

нальное существо Бога доказывался рационально-эмпирическим путем. Данное противоречие—одно из особенностей вольфовской системы. И кстати, эта внутренняя противоречивость концепции Х. Вольфа до сих пор вызывает полемику среди современных исследователей, одни из которых считают, что Х. Вольф своей философией обосновывал религию¹³, а другие выделяют в его работах прежде всего антиклерикальные черты¹⁴.

Сам Х. Вольф преодолевал указанное противоречие следующим образом. С одной стороны, он отрицал способность разума создать обобщающие понятия, которые могли бы поставить под сомнение роль Бога как всеобщей мировой первопричины: «Нет нужды, да и очень редко возможно... до таких понятий вывести, которые бы больше не разделялись»¹⁵. С другой стороны, он считал своей реальной задачей изучение конкретных общественных и природных явлений.

Х. Вольф совершенно не использует разработанное до него Г. Лейбницем понятие всеобщей субстанции. Наоборот, если Г. Лейбниц соединил понятие всеобщей субстанции с понятием всеобщей силы, то Х. Вольф свел эти всеобщие понятия к единичным и особенным. По его мнению, каждая вещь состоит из двух частей: «существа вещи» и «свойства вещи». Первое—это качественная характеристика вещи, второе—количественная. И, как пишет Х. Вольф, «мы при всякой вещи необходимо двойную мысль имеем»¹⁶.

Подобное разделение окружающего мира на конкретные части и последующее механическое соединение уже изученных и объясненных наукой конкретных частей не в одно целое, а в систему до конца несоединимых конкретностей—еще одна характерная черта вольфовского мировоззрения. В таком духе Х. Вольф трактует понятие «материя». «Материя» у Х. Вольфа не имеет привычного нам обобщающего значения, а связана с понятием «вещество». Именно поэтому Х. Вольф перечисляет различные «роды» «материи», отличающиеся своими внутренними характеристиками, а возможные изменения в структуре тела, которое состоит из «материи», ведут к изменению и самой «материи». Более того, Х. Вольф отмечает, что невозможно ни чувством, ни разумом когда-нибудь определить «число простых материй»¹⁷.

В целом Х. Вольф воспринимал окружающий мир, как машину, когда существо каждой из ее частей можно просчитать

чисто математически. Именно поэтому он уделял столь большое внимание математическому методу, с помощью которого по его мнению, возможно понять все составляющие наличного бытия¹⁸.

Такая позиция Х. Вольфа вполне понятна и исторически объяснима. Ведь примерно до конца XVIII в. «естествознание было преимущественно собирающей наукой, наукой о законченных предметах», и «надо было исследовать вещи, прежде чем можно было приступить к исследованию процессов»¹⁹. Более того, философия Х. Вольфа играла довольно прогрессивную роль в конкретно-исторических условиях Германии XVIII в., ибо способствовала развитию естественнонаучных представлений, подрывала монополию религии в решении важнейших философских вопросов. А противоречивое соединение материалистической и идеалистической тенденций (эмпиризма и рационализма) помогало утверждению в общественном сознании деистических представлений несмотря на то, что сам Х. Вольф критически относился к деизму²⁰.

Сравнивая концепции Х. Вольфа и В. Н. Татищева, можно заметить, что В. Н. Татищев, как и Х. Вольф, противоречиво соединял материалистические и идеалистические воззрения, не принимая крайностей ни эмпиризма, с его практически полным отрицанием самостоятельности разума, ни крайностей рационализма. Но дело еще и в том, что вольфовская философия, которая исповедовала механический детерминизм, разрывала мир на отдельные предметы и не стремилась подняться до обобщения мира как одного целого, побуждала В. Н. Татищева попытаться самостоятельно вывести некое единое для всего мира понятие, в котором можно было бы обобщить различные материальные и духовные явления. И в этом состоит одно из важнейших отличий мировоззрения В. Н. Татищева от представлений Х. Вольфа.

В своем труде «Лексикон Российской, исторической, географической, политической и гражданской» В. Н. Татищев дает определение понятия «естество». В этом определении он выделяет три момента: под «естеством» разумеется 1) «иногда бог и начало всех вещей в мире», 2) «тварь в ее бытии» 3) «состояние природное вещей в их внутреннем качестве, силе и действе, в котором духи и тела заключаются. И в сих двух смысле слово ничто значит, как природу, по премудрости божией, определенную, но некоторые, не зная свойства сего, часто приключения естеством, натурою и природою имянуют»²¹.

Сразу же заметна противоречивость этого определения. С одной стороны, Бог есть «начало всех вещей в мире», а с другой—Бог тоже входит в понятие «естество» наряду с «тварью». С одной стороны, природа определена «божией» премудростью, а с другой—вещи, тела и даже «духи» находятся в некоем всем им общем природном состоянии. В этом заключается шаг вперед, сделанный В. Н. Татищевым по сравнению со многими предшественниками и современниками. Противоречивость в определении Бога означает сомнение в верности общепринятых догматов. И само татищевское сомнение—большое достижение российской общественной мысли.

В. Н. Татищев, в отличие от Х. Вольфа и впервые в российской общественной мысли, перестал считать Бога антропоморфным существом, т. е. человекоподобной личностью. Бог у В. Н. Татищева растворяется в природе, соединяется с естеством, превращается в абстрактный дух мироздания. Более того, «естество» заменяет собой Бога, является попыткой чать определение понятия «материя» как некоей общей всему миру субстанции, которая становится материальным состоянием всего живого, всех вещей и даже душ человеческих²². Иначе говоря, В. Н. Татищев поднимается до взгляда на природу, на окружающий мир как на единое целое.

Интересно и знаменательно, что определение «естества» перекликается с одним из мест в другом произведении В. Н. Татищева—«Разговоре дву приятелей о пользе наук и училищах». Рассуждая о «божественном» законе, Татищев одновременно называет Бога и «всесовершеннейшее вещество», и «милостивое существо»²³. То есть уже в «Разговоре...», который был написан до создания «Лексикона...», В. Н. Татищев подлодил ко взгляду на Бога как на своеобразную субстанцию, являющуюся одновременно и «веществом» (т. е. неодушевленным объектом), и «существом» (т. е. субъектом одушевленным).

Понятно, что и в этом случае, и в случае определения понятия «естество» татищевское мировоззрение противоречно. Но иначе и быть не могло, ведь это уже деистическое (с элементами пантеизма) решение вопроса о соотношении идеального и материального, а деизм противоречив по своей сути, ибо он покоится на примирении двух противоположностей—материализма и идеализма. И здесь необходимо отметить, что отношение к деизму у Х. Вольфа и В. Н. Татищева также не

совпадают. В отличие от Х. Вольфа В. Н. Татищев был уже последовательным деистом.

Нельзя не отметить и внимание В. Н. Татищева к материалистическим идеям. Его материализм еще стихичен, до конца не осознан, но для России первой половины XVIII в.—это ново и неожиданно²⁴.

В отличие от Х. Вольфа В. Н. Татищева не привлекало и представление о мире, как о машине, когда все окружающее человека просчитывается математическим путем. Математический метод не являлся для В. Н. Татищева основным. Наоборот, он гораздо большее значение придавал свободе воли человека, способного своими деяниями изменить картину бытия.

При всем отличии мировоззренческих позиций Х. Вольфа и В. Н. Татищева необходимо отметить определенное влияние, которое оказал Х. Вольф на идейное формирование В. Н. Татищева. Судя по всему, именно учение Х. Вольфа дало В. Н. Татищеву основу для создания его деистической концепции, для внимательного отношения к материалистическим идеям, показав необходимость чувственного познания, опыта. В этом смысле Х. Вольф и В. Н. Татищев прошли, хотя и несколько по-разному, путь в одном направлении, закономерность которого определил Ф. Энгельс, когда писал, что на протяжении XVII—XVIII вв. «...идеалистические системы все более и более наполнялись материалистическим содержанием и пытались пантеистически примирить противоположность духа и материи»²⁵.

ИСТОЧНИКИ. ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кант И. Сочинения в 6-ти тт. М., 1964. Т. 3. С. 99.
2. Гегель Г. Сочинения. М., 1935. Т. XI. С. 358—359.
3. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Спб., 1902. Т. 1. С. 405; Неустров В. П. Немецкая литература эпохи Просвещения. М., 1958. С. 20—21, 26—28, 386—387; Аликаев Р. С. Немецкая философская терминология эпохи раннего Просвещения. Дис. канд. филолог. н. М., 1983. С. 88—153.
4. См.: Biller G. Die Wolff-Diskussion. 1800 bis 1982. Eine Bibliografie // Christian Wolff (1679—1754). Interpretation zu seiner Philosophie und deren Wirkung Hamburg, 1983. S. 321—345.
5. Вольфийская экспериментальная физика. 1-е изд. Спб., 1746; 2-е изд. Спб., 1760; Вольфийская теоретическая физика Спб., 1760; Вольф Х. Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды. Спб., 1765; Вольф Х. Сокращение пер-

ных оснований математик. 1-е изд. Спб., 1770—1771. Т. 1—2; 2-е изд. Спб., 1791. Т. 1—2.

6. Полов Н. А. Татишев и его время. М., 1861. С. 474; Он же. Ученые и литературные труды Татишева. Спб., 1886. С. 17—19 и далее; Милославский П. Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1897. Т. 1. С. 16—18; Шлет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 67—69.

7. Пелеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1925. Т. II. С. 43—59.

8. В советской литературе встречаются упоминания о влиянии западноевропейских мыслителей на формирование мировоззрения В. Н. Татишева (Первая публикация на эту тему: Перевезенцев С. В. К вопросу об идейных истоках историко-философских воззрений В. Н. Татишева: С. Пухлендорф и В. Н. Татишев // Археография и изучение духовной культуры III Уральские археографические чтения. Тезисы докладов. Свердловск, 1987. С. 28—30.

9. Вольф Х. Разумные мысли... С. 274.

10. Там же. С. 13; См. также работы Х. Вольфа: Сокращение первых

оснований математик. 2-е изд. Спб., 1791. Т. 1. С. 5; Der Anfangs-Gründe aller Mathematischen Wissenschaften. Erster Theil. Frankfurt und Leipzig, 1732. S. 6; Compendium Elementorum Matheseos universae Lausannae. Geneva, 1742. P. XX.

11. Вольфианская теоретическая физика... С. 176.

12. Вольф Х. Разумные мысли... С. 3, 7—8.

13. См. напр.: Морозов А. А. М. В. Ломоносов и телеология Христиана Вольфа // Литературное творчество М. В. Ломоносова. М.—Л., 1962. С. 163—196.

14. Mühlpfordt G. См. Wolff, ein Enzyklopädist der deutschen Aufklärung // Jahrbuch für Geschichte der deutsch-slavischen Beziehungen. Halle, 1956. Bd. 1. С. 82, 95.

15. Вольф Х. Разумные мысли... С. 30.

16. Там же. С. 88.

17. См.: Вольфианская теоретическая физика. С. 11—15, 16 и др.

18. См. работы Х. Вольфа: Разумные мысли... Гл. 6, 7; Сокращение первых оснований математик. 2-е изд. Спб., 1791. Т. 1. Предупреждение; О методе математическом краткое рассуждение; Mathematisches Lexicon.

Leipzig, 1716. Vorrede; Vernünftige Gedanken von den Kräften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkenntnis der Wahrheit Halle im Magdeburgischen, 11 Aufl., 1742. Cap. 6, 7; Der Anfangs-Gründe aller Mathematischen Wissenschaften... S. 5—31.

19. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 303; см. также: Лещинский В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 67—76.

20. Морозов А. А. Указ. соч. С. 172; Gawlich G. Christian Wolff und Deismus // Christian Wolff (1679—1754). Interpretation zu seiner Philosophie und deren Wirkung... S. 139—147.

21. Татишев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 275.

22. Современные исследователи отмечают, что понятие «естество» еще в допетровской Руси понималось как «материя» и «вещество». См.: Кутин-

на Л. Л. Формирование терминологии физики в России. Период предломосовский: первая треть XVIII в. М.—Л., 1966. С. 31.

23. Татищев В. Н. Указ. соч. С. 116.

24. О материалистических тенденциях в мировоззрении В. Н. Татищева см.: Галактионов А. А., В. П. Татищев и А. Д. Кантемир—идейные предшественники материалистической философии М. В. Ломоносова // Научная сессия ЛГУ 1955/56 гг. Тезисы докладов по секции философских наук Л., 1956; Бетяев Я. Д. Общественно-политическая и философская мысль России в первой половине XVIII в. Саранск, 1959. С. 250, 268; Перевезенцев С. В. «Вольнодумство, пагубное благоустройству» // Молодежь. Религия. Атеизм. Вып. 4. М., 1988. С. 198—199.

25. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 285.

НРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРОПОВЕДЕЙ ДМИТРИЯ РУДНЕВА (70-80 гг. XVIII в.)

Е. В. Кузнецов

ГОРЬКОВСКИЙ ПЕДИНСТИТУТ

В 1783 г. из университетской типографии в Москве, находившейся тогда в аренде у Н. И. Новикова и «типографической компании», вышли в свет «Проповеди...» ректора Славяно-греко-латинской академии Дмитрия Семёновича Руднева (в монашестве Дамаскина)¹. Дамаскин по традиции был и архимандритом материально обеспечивавшего академию своими доходами Заиконоспасского монастыря. Из предваряющего «Проповеди...» по-латински и по-русски написанного благодарственного письма, адресованного трем высокопоставленным иерархам российской православной церкви (архиепископам Новгородскому и Санкт-Петербургскому Гавриилу, Московскому и Калужскому Платону, Псковскому и Рижскому Иннокентию), узнаем, что поводом к изданию послужила «хиротонизация»² заиконоспасского архимандрита в епископы Севские (письмо имеет дату 5 июля 1782 г.).

Познакомимся поближе с содержанием книги. Первая (I) проповедь называется «О любви к отечеству», (II)—«Об истинном гражданине», III—«О том, что правда возвышает народ, а грехи уменьшают его», IV—«О божеских к России благодеяниях», V—«О исправлении народного характера», VI—

«О вредности и опасности непомерных гуляний, увеселений и забав», VII—«О распространении всеобщего блага». Проблематика этих проповедей, как очевидно, политическая или, точнее, нравственно-политическая. За ними следом в книге помещены тексты еще нескольких проповедей с более традиционными для православного проповедника теологическими темами: «О чаянии будущей жизни» (VIII), «О средствах утешения в прискорбной жизни» (X), «О подражании Христу» (XII), «О том, каким образом лучше умирать» (XIV) и т. п., а также—«Рассуждение о церковных церемониях» (с. 225—239), «Слово в день святых апостолов Петра и Павла» (в двух вариантах), произнесенное на придворных торжествах в Петергофе по поводу тезоименитства «царевича» Павла (будущего императора) 29 июня 1782 г.³ Таким образом, сборник сострит из материалов разных планов, которые с определенной мерой условности можно обозначить как «богословские» и «нравственно-политические».

Возникает вопрос: почему именно нравственно-политические материалы оказались в анализируемой публикации на первом плане? Предположение, что дело здесь в хронологии, не выдерживает элементарной проверки: самая ранняя проповедь, произнесенная 24 ноября 1775 г., стоит в сборнике на четвертом месте, другая, от июля 1776 г., помещена на десятом месте и т. д. Проповеди нравственно-политического характера объединяются не временем, а местом их произнесения—это «большой» Успенский собор Московского кремля. И еще: все они приурочены к датам, достопримечательным для Екатерины II. Три проповеди посвящены годовщинам ее коронации (22 сентября), два текста были приготовлены к дню рождения (21 апреля), одна—к дню тезоименитства и т. д. Поскольку «нравственно-политические» проповеди произносились в самом большом храме Москвы по «царским» дням, число слушателей приближалось к максимальному.

Что касается «слов», «речей», «проповедей» богословского характера, то они, исключая одну (VIII)⁴, произносились в местах менее престижных и менее посещаемых (церковь Заиконоспасского монастыря, Владимирская церковь, придворная церковь в Петергофе) и не по столь важным социально-политическим датам⁵. Следовательно, проповедник придавал этим речам меньшее значение, и этот его субъективный подход заставил отдать лучшую часть сборника проповедям «нравст-

вно-политическим». Вряд ли можно усомниться в том, что позиция проповедника была поддержана издателем Н. И. Новиковым. Дабы подойти к пониманию субъективных мотивов проповедника, следует сказать несколько слов о его жизни.

Дмитрий Руднев (1737—1795 гг.) был выходцем из среды нашего духовенства, сыном сельского приходского священника из-под Тулы. После окончания Славяно-греко-латинской академии ему удалось в 1766—1773 гг. продолжить образование в Геттингенском университете, лучшем в Европе того времени. После возвращения из Германии «иноп-геттингенец» в течение короткого срока сделал примечательную карьеру в православной церковной иерархии, чему содействовал монашеский постриг (май 1775 г.). С осени 1774 г. он—профессор Свято-греко-латинской академии, а с 1778 по 1782 гг.—ее ректор. В 1783 г. Дамаский становится епископом Нижегородским и Алатырским, что вынудило его на одиннадцать лет покинуть Москву⁶.

Московский период деятельности Д. Руднева совпал с расцветом масонских лож (мартинистского «толка») и просветительской деятельностью Н. И. Новикова (с 1779 г.). Пути эти не могли не пересечься: один—виднейший просветитель, издатель, книготорговец, второй—одно из интеллектуальных светил тогдашней московской богословской элиты. Однако попытки найти факты, более обстоятельно фиксирующие контакты этих людей, пока дали незначительные результаты.

Начальная проповедь, которой открывался изданный Н. И. Новиковым сборник, была произнесена в Успенском соборе Московского кремля 22 сентября 1776 г. по случаю 14-летней годовщины коронации Екатерины II. Уже ее заголовок—«О любви к Отечеству»—знаменателен. В проповеди присутствуют необходимые славословия просвещенной монархии, немало библейских цитат, но не это в ней главное. Стержнями в проповеди являются два понятия—«гражданин» и «любовь», которые Д. Руднев соединяет в неразрывную связь: «Любовь к Отечеству»—это «первейшая и главнейшая обязанность гражданина добродетель». Проповедник не ставит знак равенства между любовью к Отечеству и преданностью монарху, он не говорит об особых сословно-ограниченных правах и обязанностях людей: «...едино человеколюбие (а не монархолобие!—Е. К.) есть подлинно источник любви к Отече-

ству». «Истинной любовью Отечества ни чем иным управлять не бывает,—писал Дамаскин,—как просвещенною только любовью блага. Внутрь сердца его горит чистейший только и беспорочный огонь усердия ко всякому человеку... Он во всяком смертном почитает неумножимыя права человечества (разрядка наша—Е. К.) и о всякого гражданина щастии радуется».⁷

Главная идея автора—это всеобщее и равное гражданство людей. Иначе говоря, антифеодалная идея всеобщего гражданского равенства, сформулированная французскими просветителями, нашла весьма зрелое изложение в проповеди Д. Руднева. Но говоря о формальном равенстве людей всех сословий, он все-таки вводит определенный ценз для истинного гражданина—образованность; он противопоставляет «неграмотного», «простонародного сына Отечества» и «образованного гражданина». Первый любит стилийно то, что «близ него находится»⁸. Второй же, «добродетельный гражданин», «любит своего согражданина не для того только, что он той же с ним земли, того народа, того ж Отечества, но что такой человек каков он». Просвещенный гражданин «знает довольно, что каждое благое дело бессмертно, хотя оно многими и невидимо бывает», он сознает несовершенство окружающего его мира и «ему довольно известно, что всякое человеческое совершенство увеличено, и что всякое худо уменьшено, и, наконец, истреблено быть может»⁹. Истинный гражданин заботится воспитанием из молодежи «превосходнейших дарованний граждан». Для «правосудного гражданина» характерно сочетание любви к своему отечеству с уважением к другим народам: «Подлинные общежития сокровища в том народе умножаются и распространяются, который благоденствия своих соседей не нарушает»¹⁰. Вообще «безпристрастная справедливость», «подлинное правосудие»—это основная норма жизни «гражданского» общества как внутри него самого, так и во взаимоотношениях с другими политически организованными сообществами. Еще и еще раз оратор оговаривается, что всех «сих добродетелей иметь не можно без благодатливого просвещения. Только оно позволит освободиться от ига предрасудков, невежества и пристрастий». В стране, где просвещенные «любители отечества находятся», царствует довольство, спокойствие, правосудие.

Вторая проповедь «Об истинном гражданине» развивает в деталях взгляд Д. Руднева на гражданина, его права и обя-

занность: Гражданин—это «человек в одном с другим обществе живущий, какого бы полу он и состояния не был: мужчина или женщина, правитель ли, или управляемый, духовный, или светский, военный ли, или приказной, купец ли, или астеровой человек, земледелец и скотопас...». Все они суть граждане: все одним и тем же обязательствам подвержены (следовательно, и крепостные тоже—Е. К.). Все должны каждое свое действие направлять к достижению общей цели общего блага, т. е. как внутреннего, так и внешнего спокойствия. «Для него сложились мы в общежитие, для него взяли мыда себя взаимные обязательства: чтобы помогать друг другу, чтобы не обижать друг друга, для него утвердили себя взаимными правами, оградили себя законами, для него подверглись добровольно правлению других наших сограждан,—госил Дамаскин, как бы забывая о «божественном помазании» царских особ,—для него должны и они (правители—Е. К.) хранить такие обязательства и права, ибо им оно (спокойствие—Е. К.) также нужно, как и каждому последнему гражданину»¹¹. Стало быть, «толпа, стоящая у трона» и крепостные земледельцы глухих деревень России равны хотя бы в отношении основных гражданских прерогатив!? Однако первое впечатление нуждается в корректировке, исходя из дальнейшего анализа текста проповеди.

Понятиями «гражданин», «граждане» пользовалась и Екатерина II когда писала о естественном равенстве людей¹². Равенство людей, по мнению монархини, состояло в равенстве всех граждан перед законами. Этот взгляд на равенство совпадает мыслями проповедей Д. Руднева, и можно предположить что он следовал идеям «матушки-императрицы». То же можно сказать и об идее «общей пользы». Критерием социального положения человека Екатерина II полагала образовательный ценз и наставляла, что «добрый гражданин» обязан принимать законы Российской империи и мириться с резким классовым неравенством¹³. Подобно императрице «поп-гетимснец» Дамаскин призывал повиноваться представителям власти предержащей, хотя бы они «тиранское над обществом имели правление, хотя бы угнетали и разоряли его»¹⁴. Политическое напряжение снималось посредством иностранного изложения нравственных аспектов «гражданства», апелляция к «добродетели», «добросовестности», «благоприличию».

Однако в тексте проповеди «О гражданине» были нюансы, которые отличали позицию Дамаскина от рассуждений императрицы. Характеризуя в проповеди «первоверховых апостолов» Петра и Павла, Д. Руднев указывает, что один из них «рыболов», другой—«делатель шатров», и подчеркивает, что «бог не смотрит на знатность природы, ниже на достаток знания людьми уважаемый». Эта идея сочувствия людям «низшего состояния» звучит и далее: «самого низшего состояния человек может быть через малейшее свое действие благодетелем своего Отечества и всего человеческого рода»¹⁵.

Право на гражданство, «естественное и неуничтожимое» для каждого члена общества, является основополагающим фундаментом любого социально-политического организма, в том числе и Российской империи. Внимательное прочтение выступлений Д. Руднева (I и II проповеди) создает убеждение, что он признает имущественное неравенство и функционально-политическую неодинаковость индивидуумов в обществе, но отрицает их конституирующие—правовые, сословные различия (в первую очередь те, которые носят антагонистический характер). Отсюда с неизбежностью вытекает, что проповедник в общем находится на позиции отрицания социально-иерархических порядков и выдвигает, в качестве идеального общества, основанное на формальном равенстве всех граждан перед законом, т. е. общество буржуазное.

Остается один, роковой для любого выступавшего «на политические темы» в самодержавно-крепостнической России XVIII в. вопрос: как быть с крепостничеством? Слов «крепостной», «раб», как и понятий «дворянин», «аристократ», нет в лексиконе анализируемых проповедей. Екатерина II в «Гражданском начальном учении» также избегает их. Но о «рабах» идет речь в «Наказе» императрицы. Монаршая позиция, изложенная в последнем, характеризуется двойственностью: законы гражданские, с одной стороны, должны отменять «злоупотребления рабства», мешать «приводить людей в неволю», а с другой: «не должно вдруг и через узаконение общее делать великого числа освобожденных»¹⁶. Лицемерно коронованной особы в этом вопросе, ее активное противодействие освобожденным актам хорошо известны. Поэтому принятая проповедником формула умозаключенная об острейшей проблеме современной ему российской действительности требует очень осторожного и взвешенного комментария. На

данном этапе исследования идейного наследия Дамаскина представляется вполне допустимым принять следующее: идея «тотального» гражданского равенства (от «святых» апостолов до «низшего» состояния) подрывала правомерность существования «рабства дикого». Уважительное отношение проповедника к личному достоинству человека, сама классификация слушателей по образованию, а не по сословной принадлежности, молчание об особых правах дворянства—все это свидетельствует не о лицемерии, а об искренней неприязни Д. Руднева к феодално-крепостническим отношениям. Конечно, «поп-геттингенец»—не революционер, покорность любой тирании он полагает справедливее «междоусобной брани», но наличие освободительной, антикрепостнической тенденции в его проповедях следует признать. Причем, используя некоторые легализованные Екатериной II либеральные положения, Дамаскин рассматривает их, в отличие от «просвещенной» монархии, не как тактический, пролагандистски-демагогический прием в политике (преимущественно внешней), а как важнейший принцип государственной стратегии. И если у Екатерины II «образование» было призвано углубить пропасть, отделявшую «благородное дворянство» от их «подлых рабов», то Д. Руднев видел в «просвещении» средство к освобождению от цепей крепостничества. Он был уверен, что «опытом многих просвещенных народов... науки премного споспешествуют к благосостоянию человеческого рода»¹⁷. Для него «нет неосноснее», чем видеть глубокое невежество своего Отечества. В подтексте многословия проповедей проглядывает острая, как лезвие ножа, мысль: образованный человек не может быть рабом, дайте образование и, «как у многих просвещенных народов», крепостное рабство в Российской империи исчезнет.

В остальных пяти проповедях Дамаскина обсуждаются иные «предметы и материи», но каких-то мыслей, принципиально отличных от приведенных здесь в них нет. Следовательно, проповедник излагал и в них не конъюнктурные суждения, а хорошо продуманные идеи. Первыми поэтому помещены в сборнике проповеди, содержащие программные положения «попа-геттингенца». Их антифеодалная тенденция, яркая апологетика просвещения не могли не найти отклик у Н. И. Новикова и его единомышленников.

Анализ проповедей Д. Руднева показывает, что социальные рамки русского просвещения должны быть расширены. Его

ревнителей следует поискать в среде передовых, так или иначе соприкоснувшихся с европейской образованностью «французского» (буржуазного) толка, представителей православного духовенства. Одним из них и является Дмитрий Руднев, выходец из низшего деревенского клира русской православной церкви. К нему приложимы слова Ф. Энгельса: «Плебейская часть духовенства состояла из сельских и городских священников... Им... были достаточно близки условия жизни массы, и потому... из их рядов выходили теоретики и идеологи движения...»¹⁸.

ИСТОЧНИКИ. ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Проповеди святейшего правительствующего Синода конторы члена, ставропигиального второклассного Заиконоспасского училищного монастыря архимандрита и Московской славяно-греко-латинской академии ректора Дамаскина в бытность его в Московской академии сперва префектом, потом ректором в высокочестивые и другие дни говоренные с 1775 по 1782 гг. Изданным Н. Новикова и Компании. В Москве, в Университетской типографии, у Новикова, 1783 год.

2. «Хиротонизация» — греческое слово, означающее утверждение в должности епископа с наделением определенными «мирскими» (административными и материальными) и «духовными» прерогативами.

3. Проповеди... С. 129, 261 и след.

4. Восьмая проповедь на тему «О чаянии будущей жизни» состоялась в день рождения Екатерины II в Успенском соборе в 1780 г.

5. Проповеди эти произносились по различным церковным праздникам: день Владимирской божьей матери, на вынос плащаницы и т. д.

6. Подробнее см.: Макарий (архимандрит). История Нижегородской иерархии, содержащая в себе сказания о нижегородских иерархах с 1672 до 1850 г. СПб., 1857. С. 160, 166, 174.

7. Проповеди... С. 3, 11, 13 и др.

8. Там же. С. 4.

9. Там же. С. 9.

10. Там же. С. 14.

11. Там же. С. 24, 25.

12. См.: Избранные сочинения императрицы Екатерины II (1729—1795). СПб., 1896. С. 10, 34 и др.

13. Там же. С. 181, 182.

14. Проповеди... С. 25, 26, 30, 32, 31.

15. Там же. С. 28—31.

16. Избранные сочинения... С. 24—26

17. Проповеди... С. 31.

18. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 352.

заводах, обслуживавших своими изделиями суда старого типа.

В 1845—1847 гг. была построена шоссейная дорога, связавшая Нижний Новгород с Москвой, а в 1858 г. началось сооружение железной дороги Москва—Нижний Новгород, движение по которой было открыто 1 августа 1862 г.

Перенос ярмарки в Нижний Новгород дал толчок развитию торговли в губернии. Об этом свидетельствует рост числа нижегородцев, торговавших на ярмарке в первые годы ее работы на новом месте: с 202 чел. в 1817 г. до 415 чел.⁴ в 1820 г., т. е. в 2 раза, в то время как общее число ярмарочных торговцев увеличилось только в 1,3 раза. Особенно увеличился состав нижегородского купечества: с 53 чел. в 1817 г. до 145 чел. в 1861 г., или в 3 раза, а по ярмарке в целом за это время—только в 2,5 раза⁵. Представителей нижегородского капитала становилось не просто больше количественно; они начали стремительно богатеть, скапливать состояния, «вращивать» в своей среде купцов—«стотысячников» и «миллионщиков». Однако процесс этот занял довольно длительное время, достигнув наибольшего своего развития во второй половине XIX—нач. XX вв. Только за первое десятилетие после отмены крепостного права количество нижегородских купцов на Нижегородской ярмарке увеличилось в 3 раза (с 99 до 303 чел.), в то время как за этот же период численность московского купечества увеличилась лишь в 1,5 раза⁶. Если в 1820 г. «стотысячником» был лишь один купец из Арзамаса⁷, торговавший во фруктовом ряду, то в 1839 г. их было уже 28⁸, а в 1870 г.—58⁹.

В первой половине XIX в. на ярмарке возросло также число нижегородских мещан (в 2,5 раза) и крестьян (в 1,5 раза).

По сословному представительству на всероссийском торжище Нижегородская губерния занимала второе место после Московской. Однако если в 1822 г. это представительство было почти равным, то в 1851 г. в 2 раза меньшим, чем по Московской губернии. По ценности привоза Нижегородская губерния в 1822 г. занимала 7-е место после Московской, Ярославской, Владимирской, Петербургской, Пермской и Казанской губерний.

Расположение ярмарки в Нижнем Новгороде создало необыкновенно благоприятные условия для развития крестьянских промыслов—как домашних, так и отхожих. Многие ты-

сячи нижегородских крестьян привлекал «волжский промысел»; они нанимались бурлаками, грузчиками, лоцманам. В 1851 г. Нижний Новгород занимал первое место среди волжских городов по числу нанятых здесь судорабочих. Если в Астрахани в этом году было нанято 10558 судорабочих, то в Нижнем Новгороде 33790 судорабочих¹⁰, или в 3,4 раза больше. Еще в большей степени развивались крестьянские домашние промыслы. С 1827 г. по 1862 г. число мелких крестьянских заведений выросло в 7 раз (с 2067¹¹ до 14373¹²). В статистическом обозрении за 1859 г. отмечалось, что в «Нижегородской губернии редко можно видеть селение, где не было бы фабрики, завода или подготовки бы для них материалов»¹³.

Особенно быстрый рост крестьянских заведений наблюдался в первые годы функционирования ярмарки в Нижнем Новгороде. Так, в селе Богородском число крестьянских кожевенных заведений за 1794—1827 гг. выросло с 46¹⁴ до 118¹⁵, или в 2,5 раза.

Нижегородская ярмарка являлась главным рынком сбыта и источником сырья для нижегородских промыслов. В 1860 г. на ней реализовывалось более половины объема продукции, изготовлявшейся в мелкотоварных крестьянских заведениях губернии (65% в сталелесарном, 49,5% в кожевенном, 58% в скорняжном и 80% в ложкарном производствах)¹⁶.

Ход ярмарочной торговли изделиями крестьянской промышленности оказывал самое непосредственное воздействие на объем производства и размеры привоза этих товаров на ярмарку. Особенно увеличилась производительность нижегородской крестьянской промышленности и «теснота» ее связей с Нижегородской ярмаркой в последнее десятилетие перед отменой крепостного права. Среднегодовой прирост привоза изделий этой промышленности на Нижегородскую ярмарку в это время почти в 2 раза был выше среднегодовых темпов прироста ее производительности¹⁷.

Нижегородская ярмарка ускоряла процесс вовлечения патриархального нижегородского крестьянства в товарно-денежные отношения, а это в свою очередь вело к экономической перестройке крестьянских домашних промыслов, переходу от мелкотоварного производства к капиталистической мануфактуре, углублению социальной дифференциации промышленного населения на «хозяйчиков-предпринимателей» и наемных рабочих. В. И. Ленин относил к типичнейшим капитали-

стическим мануфактурам заведений, принадлежавшие крестьянам Павловского стелеслесарного района Варыпаевым, Завьяловым, Кондратовым уже в середине XIX в.¹⁸

Широкое распространение крестьянских промыслов привело к образованию крупных промысловых и торговых сел в Нижегородской губернии, что стало одной из характерных особенностей социально-экономического развития губернии первой половины XIX в. К таким селам относились в Горбатовском уезде—Павлово, Богородское, Ворсма, в Балахнинском уезде—Городец и Катунки, в Макарьевском—Лысково и Воскресенское, а Васильевском—Спасское и Воротынец, в Арзамасском—Выездная слобода¹⁹, которые и по числу жителей, и промышленному развитию превосходили многие уездные города.

Функционирование ярмарки в Нижнем Новгороде вызвало ускорение социально-экономического развития города и как следствие этого увеличение численности его населения (с начала XIX в. до 1825 г. оно увеличилось вдвое с 7600 чел. до 16.000 чел., с 1825 г. по 1841 г. население города удвоилось вновь—с 16.000 до 32.000 чел.), интенсивное строительство церквей (с 1821 г. по 1828 г. было построено 7 церквей) и жилых зданий. Были обустроены Похвалинский и Зеленский съезды для улучшения сообщения верхней части города с нижней²⁰.

Итак, перенос имевшей всероссийское значение Макарьевской ярмарки в Нижний Новгород в 1817 г. явился важным фактором в усилении процесса развития капиталистических отношений в Нижегородской губернии в первой половине XIX в. Следствием этого переноса было не только небывалое распространение крестьянских неземледельческих промыслов, но и начавшаяся в них экономическая перестройка, выразившаяся в переходе от мелкотоварного производства к капиталистической мануфактуре, появление «кустарных» сел, не уступавших городам по своей торговой и промышленной деятельности и положивших начало формированию фабрично-заводских внегородских центров, которые В. И. Ленин относил к третьему типу²¹, и, наконец, развитие фабрично-заводской промышленности, обслуживавшей волжский паровой транспорт. Все это выдвигало Нижегородскую губернию в число промышленных губерний России уже в дореформенное время.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Маслов К. Нижегородская губерния в трудах В. И. Ленина. Горький, 1971. С. 22.
2. Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. М., 1979. С. 15.
3. Архангельский С. И. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской губернии в XVIII—XIX вв. Горький, 1950. С. 159.
4. ГАГО. Ф. 489. Оп. 286, д. 14.
5. Там же, д. 34.
6. Там же, д. 1112.
7. Там же, д. 378.
8. Там же, д. 1089.
9. Алфавитный указатель лиц, торгующих на Нижегородской ярмарке 1870 г. Нижний Новгород. 1870.
10. Архангельский С. И. Указ. соч. С. 156.
11. Там же, С. 136.
12. Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1865. № 34.
13. Там же, 1859. № 45.
14. Архангельский С. И. Указ. соч. С. 104.
15. Там же.
16. Памятная книжка Нижегородской губернии на 1864 г. Нижний Новгород, 1865. С. 80—111.
17. Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1865. № 34.
18. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 416, 453.
19. Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1859. № 45.
20. Агафонов С. Л. Горький, Балахна, Макарьев. М., 1969. С. 86.
21. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 456.

УДЕЛЬНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ— ГЛАВНЫЕ МАСТЕРА «ЗОЛОТОЙ ХОХЛОМЫ»

А. В. Седов

ГОРЬКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В многообразии народных промыслов Нижегородской губернии значительное место занимала деревообработка. Основным центром деревообрабатывающих промыслов был Семеновский уезд, где производились телеги, сани, кадки, ведра,

короба, лопаты, берда, веретена, ларцы, игрушки и другие изделия из дерева, а более всего—деревянная посуда в с. Хохломе с прилегающими деревнями и деревянные ложки в селениях вокруг г. Семенова¹.

Деревянные чашки и ложки, окрашенные в золотистые тона знаменитой хохломской росписи,—древний промысел крестьян Нижегородского Заволяжья. В нем ярко выразились творческие способности русского народа, благодаря которым хохломские изделия получили всероссийское и международное признание.

Поскольку в населении Семеновского уезда преобладали удельные крестьяне, то они и были главными мастерами «золотой хохломы». К сожалению, сведения об организации этого промысла очень скудны. Самым ранним документом XIX в., проливающим свет на данный вопрос, является опись промышленных предприятий губернии, составленная в 1827 г. для первой Всероссийской промышленной выставки. Она отнесла в актив удельных крестьян все 1.565.000 деревянных ложек, изготовленных в этом году, и почти половину (45,5%) деревянной посуды. По данным этой описи, 83% всех токарно-ложкарных заведений (457 из 549) принадлежало удельным крестьянам и лишь 17% —крестьянам государственным.

Преобладание удельных крестьян в этом промысле создавалось в основном за счет ложкарных заведений, очень мелких и многочисленных, не требовавших большого оборудования и устроенных, как отмечалось в описи, в жилых домах крестьян. Токарное производство деревянной посуды было сложнее, предполагало наличие одного или нескольких станков и потому требовало специальных помещений. Вероятно, поэтому и записаны 30 токарен удельных крестьян особо от прочих заведений. О них не сказано, что они были устроены в жилых домах, как это отмечалось во всех других случаях. Это были значительные предприятия, каждое из которых вырабатывало в среднем до 3000 изделий в год. Некоторые из них пользовались и наемным трудом, о чем свидетельствует наличие при них наемных работников (всего 9 человек). Однако подавляющую часть токарных изделий (570 000 из 660 000), т. е. свыше 86%, удельные крестьяне вытачивали дома. Поэтому отдельные, более или менее значительные токарни терялись в массе мелких ложкарно-токарных заведений, в которых на каждое приходилось в среднем по 2,4 работника.

В гораздо большей мере токарное производство деревянной посуды было развито у государственных крестьян Кошелевской волости, где 92 токарни выпускали в год до 790 000 различных изделий и занимали 1659 работавших². Причина такого преимущества государственной деревни в крупном производстве деревянной посуды заключалась, видимо, в большей доступности сырья: почти все леса Семеновского уезда были государственными, и удельным крестьянам доступ в них был крайне затруднен.

Более детально промышленная опись 1835—1838 гг., которая отразила значительный рост ложкарно-токарного производства сравнительно с 1827 г. и по количеству промысловых заведений, и по числу занятых в промысле людей, и по масштабам выпуска изделий. За это время количество ложкарно-токарных заведений увеличилось с 457 до 629, т. е. в 1,4 раза. Еще более возросла доля наемного труда, а следовательно и концентрация производства. Если в 1827 г. 30 токарен Чистопольского удельного приказа (волости) имели всего 9 наемных рабочих, то через десять лет число токарен уменьшилось до 25, а количество рабочих увеличилось до 40, т. е. возросло в 4,4 раза. Наемный труд внедрялся во все виды промысла. Если в 1827 г. он практиковался лишь в токарном производстве, а в ложкарном его тогда еще не было, то к 1835 г. он проник и сюда в значительных размерах. Концентрация производства позволила более чем вдвое увеличить объем выпускаемой продукции. Если в 1827 г. 32 токарни Чистопольского приказа произвели изделий на 2400 рублей, то через десять лет 25 токарен ежегодно изготавливали посуды в среднем на 5000 рублей³.

Токарное производство деревянной посуды весьма быстро прогрессировало, и с 40-х гг. в нем начался технический переворот: наряду с ручными токарнями появились конные, а затем и водяные. К сожалению, крепостническая практика удельного ведомства, присваивавшего все более или менее крупные торгово-промышленные заведения крестьян, существенно тормозила технический прогресс, и к 1850 г. водяных токарен в удельной деревне имелось всего 4. По этой причине удельные крестьяне имели крупных токарно-ложкарных заведений значительно меньше, чем крестьяне государственные. Но важен сам факт неодолимого развития производительных сил вопреки феодальному тормозу. В результате в 50-х гг. не-

которые токарни удельных крестьян стали столь значительными, что заносились в списки «заводов». Так, в 1857 г. к таковым было отнесено 8 токарных заведений, дававших годовой продукции на 4500 рублей⁴.

Ложкарный же промысел так и не вышел из крестьянской избы. Особых ложкарных заведений, за исключением красильных, до отмены крепостного права не встречалось. И дело заключалось не только в простоте технологии, а главным образом—в тормозящей роли торгового капитала. В этом промысле давно сложилась семейная кооперация с разделением труда по полу, возрасту и уменью. Один из обозревателей промысла в 1855 г. насчитал в процессе изготовления ложки до пяти самостоятельных операций: один крестьянин делал заготовки (бил баклуши), другой приготавливал из них ложки вчерне, третий выглаживал их и придавал им окончательную форму, четвертый придавал ложкам щегольский вид (завивал), пятый красил. «Таким образом,—заключал автор,— в выделке ложки участвует иногда целая семья крестьянина»⁵.

Торговый капитал в лице купцов и зажиточных крестьян, сосредоточив у себя сбыт изделий, закабалял крестьян-кустарей. Он по-своему концентрировал производство, создавая рассеянную мануфактуру из массы семейных коопераций, закабаленных скупщиками. Чтобы отрезать мелкого производителя от рынка сбыта и лишить его самостоятельности, скупщики прибрали к рукам заключительную операцию промысла—окраску ложки, вкладывая немалые капиталы в строительство значительных заведений с наемным трудом. Например, в Семеновском удельном приказе в 1856 г. имелось две ложкокрасильни с 2 мастерами и 12 рабочими, вырабатывавшими продукции на 5000 рублей в год⁶. И если для большинства крестьян деревянные изделия были значительными только по количеству, а не по выгоде⁷, то скупщики предметов этого промысла, по свидетельствам современников, «сделались от него не только зажиточными, а и составили даже значительные капиталы»⁸.

В токарном производстве процесс создания рассеянной мануфактуры зашел еще дальше. «Деятельность в Хохломской волости необыкновенная,—писал обозреватель 50-х гг. XIX в.—В одних деревнях приготавливают баклуши, в других—из баклуш чашки, в третьих их красят... И потом все выработанное

отправляют в Городец, где весной нагружается в барки и развозится в низовые губернии, и даже в Среднюю Азию и Персию»⁹. Такое разделение труда мог создать только торговый капитал. Скупщик поставлял сырье, он же забирал готовые изделия. Скупщик фактически руководил производством, перекраивая, где ему это требовалось, семейное разделение труда в мануфактурное, вкладывая средства в наиболее ответственные участки производственного процесса. В токарно-ложкарном промысле удельных крестьян явственно просматривается та форма проникновения торгового капитала в производство, которая вела к превращению его в капитал промышленный¹⁰.

Так по-разному складывался токарно-ложкарный промысел для кучки купцов-скупщиков и массы крестьян-кустарей. Современники неоднократно обращали внимание общественности на бедственное положение ложкарей и токарей деревянных изделий, на вредное влияние промысла на их здоровье. М. Бессонов, составивший в 1846 г. медико-топографическое описание Семеновского уезда, засвидетельствовал крайне вредное воздействие деревокрасильного производства на здоровье крестьян: «Влияние воздуха, испорченного красильными деревянной посуды и ложек, весьма вредно... Олифа, вареная с разными веществами, производит столь значительную порчу воздуха, что даже проходящих мимо красилец обдает смрадом. Какова же должна быть сфера в самой красильне или в доме... Эта порча воздуха... вредит для дыхания, и у живущих среди этой атмосферы рождаются хронические болезни легких... Такая атмосфера бывает причиною худосочия»¹¹. А ведь в промысле широко применялся детский труд, и работа велась круглый год лишь с небольшим ослаблением на время полевых работ. Даже губернатор в отчете за 1850 г. признавал, что «промысел этот, значительный только по количеству и доступности многим жителям, по бесценности своей далеко не может равняться выгодам... от других промыслов. Главные скупщики этих изделий могут еще получать от них пользу, но прочие, т. е. большая часть жителей-работников, в этом промысле находят только необходимое содержание»¹².

Кроме Семеновского уезда деревянную посуду точили удельные крестьяне Ардатовского уезда в деревнях Березовка, Журелейка и Кармалейка. Но главными творцами «золотой хохломы» всегда оставались удельные крестьяне Семеновского уезда.

Как видно, к современной славе «золотая хохлома» шла до революции нелегким путем через изнурительный труд крестьян-кустарей. К чести семеновских ложкарей и хохломских токарей они даже в трудных условиях произвола феодалов и купцов-скупщиков бережно хранили и творчески развивали традиции высокого качества народного искусства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Нижегородские губернские ведомости. 1855. № 49.
2. Журнал мануфактур и торговли. 1830. № 10. С. 88—89.
3. Архангельский С. И. Очерки по истории промышленного пролетариата Н. Новгорода и Нижегородской области в XVII—XIX веках. Горький, 1950. С. 130.
4. ГАГО. Ф. 2. Оп. 4, д. 6420, л. 54, 55.
5. Нижегородские губернские ведомости. 1855. № 50.
6. ГАГО. Ф. 744. Оп. 254, д. 707, л. 79.
7. Там же. Ф. 2. Оп. 4, д. 3659, л. 80.
8. Нижегородские губернские ведомости. 1855. № 50.
9. Там же.
10. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 335.
11. Нижегородские губернские ведомости. 1846. № 63.
12. ГАГО. Ф. 2. Оп. 4, д. 3659, л. 81.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РУССКОГО НАРОДА В ТРУДАХ ГУБЕРНСКИХ УЧЕНЫХ АРХИВНЫХ КОМИССИЙ

В. П. Макарихин

ГОРЬКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Изучение исторического опыта русского народа приобрело особое значение в конце XIX—начале XX вв., когда в условиях противоборства различных научных направлений решался вопрос о путях и перспективах дальнейшего развития страны. Важный вклад в изучение исторического опыта России внесли сотрудники губернских ученых архивных комиссий (ГУАК), которые вполне справедливо полагали, что изучение исторического опыта народа должно начинаться с изучения хозяйственного, социального и культурного развития отдельных регионов.

Губернские архивные комиссии стали создаваться с 1884 г. и прекратили свою деятельность вскоре после революционных событий 1917 г. Ученые архивные комиссии возникли в 39 губерниях России, 29 из них издавали собственные научные труды—сборники и отдельные научные работы¹. В них публиковались многочисленные архивные источники, описания и научные исследования по истории той или иной губернии. Эти публикации до сих пор представляют значительный научный интерес, а некоторые наблюдения и выводы, сделанные губернскими архивистами, не утратили и в современных условиях своей актуальности.

Губернские архивисты провели четыре региональных архивных съезда (1901 г.—в Ярославле, 1903 г.—в Твери, 1906 г.—во Владимире, 1909 г.—в Костроме). На съездах обобщались накопленные материалы, выработывалась единая методика подхода к изучению исторического опыта народа. Изучая опыт народа «снизу», с истории отдельных регионов, губернские архивисты уделяли особое внимание проявлению народной инициативы, «исторической самодеятельности» народа². Так, не случайным был интерес к эпохе Смуты, когда события приняли трагический оборот для русского государства. В тяжелейших условиях внешней агрессии и внутренних неурядиц только народное ополчение под руководством Минина и Пожарского смогло отстоять независимость державы.

Были и другие периоды в многовековой истории России, когда решающей оказывалась самостоятельность, инициатива народа. Одним из таких периодов, когда проявилась историческая мощь народа, было время освоения славяно-руссами территории будущей Великороссии. По традиции, принятой в исторической науке XIX—начала XX вв., этот многовековый процесс носил название колонизации.

Сотрудники ГУАК стремились осветить сложные проблемы исторической колонизации в форме, доступной народу. Поступательное движение славяно-руссов—земледельцев на северо-восток и восток, сопровождавшееся распространением христианской культуры, изучалось на материалах археологических раскопок, проведенных губернскими архивистами, на большом количестве разнообразных письменных источников. Использовался богатый этнографический материал, привлекались языковые данные, топонимы и гидронимы.

Сотрудники архивных комиссий изучали направления движения колонизационных потоков и различные формы «коло-

низации»: стихийную народную, княжеско-военную, церковно-монастырскую, торгово-промышленную. Они изучали влияние колонизационной деятельности на народную психологию. Большое внимание уделялось выяснению тех этнических компонентов, которые вошли в состав великорусской народности. Рассматривались вопросы взаимодействия различных культур в ходе колонизационного движения.

Осуществляя подготовку к 800-летию со времени основания города Рязани, губернские архивисты установили, что в черте города были древние языческие «туземные» поселения. Подтверждением служили языческие могильники на Борковском острове. Естественно возник вопрос о тех племенах, что сформировали население Рязанского края. Обобщив опыт семи лет раскопок на территории края и используя данные археологических изысканий на других окраинах Европейской России, А. И. Черепнин сделал вывод о том, что не представляется возможным точно установить, откуда пришли перво-населенки долины Оки, но неолитическая культура (V—III тыс. до н. э.) в ней уже была. Местная культура каменного века была «сложной», земледелия еще не существовало, но были домашние животные. Местное, коренное население было среднего роста, «длинноголовым», а умерших хоронили, как правило, в лубе³. Культура каменного века на Оке «угасла постепенно», и, как бы минуя эпоху бронзы, на Средней Оке наступил период железа. Его связывали с приходом кочевников с юга. Этническими компонентами населения явились: восточные финны, потеснившие их кочевники, торговавшие в этих местах арабы, выходцы из Хазарского каганата, а затем и славяне, предводительствуемые русскими князьями. Могильники VII—X вв. включали от 7 до 15% трупосожжений.

Выводы А. И. Черепнина развивал в докладе на третьем областном археологическом съезде во Владимире (1906 г.) А. В. Селиванов. Он также проводил мысль, что перво-населенки-финны на Средней Оке были «сбиты» воинственным конным племенем (вероятно, тюрками), а с X—XI вв. началось интенсивное расселение русских вдоль Оки⁴.

Вопрос об освоении Ростово-Суздальской области активно решался в 1901 г. на первом областном археологическом съезде, на котором присутствовали представители центральных областей России. Академик А. И. Соболевский решал вопрос о том, откуда шла русская колонизация в Ростово-Суз-

дальской области, на основе анализа языковых данных. Он отмечал, что население области, судя по говорам, родственно москвичам, рязанцам и тулякам, и наличие аканья выводил от вятичей. Исследователь обнаружил наличие новгородских говоров на севере края, а в Корчевском уезде—кривичских. Ценным наблюдением почетного члена Тверской ГУАК было то, что «славянских волн» заселения края было несколько. Слияние говора первых русских насельников с позднеславянским наречием наблюдалось в районе Белоозера⁵. Позднее, анализируя различное звучание названия озера Селигер, А. И. Соболевский вновь подтвердил свой вывод о двух волнах славянского заселения края⁶. Причем первую волну заселения он относил к периоду существования «единых» славян. Другим этническим компонентом населения Тверского края были финны.

О наличии в Ростовской области в древности племени мerra, а по соседству с ним в Верхневолжье племени весь и игна (созвучного названию реки Шексна) писал Е. В. Барсов. Отмечая значительную роль новгородцев из Заонежья в освоении Верхнего Поволжья, исследователь главную роль в колонизации и христианизации края отводил «московской школе пустыльников Лавры преподобного Сергия», особо выделяя роль Кирилла Белозерского, а также влияние Выквинской и Досифеевской пустынь в лесных краях⁷.

Научные споры о характере колонизации Верхнего Поволжья активно развернулись в 1903 г. на втором областном археологическом съезде в Твери. Определяя происхождение ярославских курганов, И. А. Тихомиров отмечал, что первые курганы, начиная с VIII в., насыпаны варягами-норманнами, а с IX—X вв. начинаются захоронения славян и финнов⁸. Ему возражал известный археолог А. А. Спицын, отмечавший, что норманские вещи в захоронениях являются приобретенными, как и в известном Гнездовском могильнике⁹. Мнение о том, что норманнское влияние явно преувеличивается, высказывал и В. И. Колосов¹⁰. П. Симсон, анализируя находки каменных орудий под Ржевом, сделал вывод о двух волнах древних насельников, шедших по Волге с Востока: первая—в эпоху палеолита, а вторая—в эпоху неолита. Эта культура занимала территорию от Камы и ее притоков до Твери¹¹.

В обобщающем докладе А. А. Спицына «К истории заселения Верхнего Поволжья русскими» на основе анализа ору-

дий труда и оружия «медного века» от Ржева и Зубцева до Нижнего Новгорода и реки Суры, а также характера погребений (скорченные позы) был сделан вывод о связи этой культуры «с Кубанской областью», с Северным Кавказом¹². Новый же период колонизации—русский—А. А. Спицын связывал с расселением днепровских кривичей и делал вывод о том, что в основе великорусской народности «лежит великое кривичское племя».

А. Соболевский утверждал, что колонизация шла не с юга на север, а из лесов в степи и что славяне с Рождества Христова идут на восток, а сибирское население—на запад¹³. Дискутировался вопрос о роли торговли и переселений во взаимодействии племен. Все это, естественно, поставило вопрос о выработке единого метода подхода к изучению и оценке характера колонизационного процесса.

История заселения Волго-Окского междуречья поднималась и в докладах на третьем археологическом съезде во Владимире (1906 г.). Н. Н. Овсянников в обобщающем докладе «О колонизации в Суздальском крае с точки зрения археологии» еще раз обосновал тезис о двух этапах заселения территории будущей Великороссии: IX—XI вв. н. э.—движение населения с Северо-Запада, из Новгородчины; XII—XIII вв.—движение из Смоленского Поднепровья¹⁴. Отметив, что «экономические интересы в истории не покрывают еще всего содержания русской истории», Н. Н. Овсянников высоко оценивал новый политический тип владимирских правителей, особо выделяя Андрея Боголюбского и Всеволода III, и новый тип характера «беспечальных залешан».

На четвертом археологическом съезде в Костроме (1909 г.) истории колонизации было уделено уже меньшее внимание. Н. А. Тихомиров в докладе «Славянское заселение Ярославской губернии» обосновывал три формы колонизационного движения: княжеско-военное, монастырское и промышленно-торговое. Развивая выводы проф. Корсакова, изложенные в его труде «Меря и Ростовское княжество», Н. А. Тихомиров отмечал, что «славянское начало укрепилось в земле мерян ко второй половине XI в.»¹⁵.

Значительное количество источников и трудов по древней истории Костромского края содержится в выпусках «Костромской старины» и других изданиях¹⁶. Ряд работ был издан в форме путеводителей. Характерным примером работ подоб-

ного рода является книга священника П. Алмазова¹⁷. В трудах Костромской ГУАК содержатся известия о проникновении первых христианских миссионеров в лесные области Заволжья: на Унжу, Ветлугу, Вятку¹⁸.

Архивисты Вятской губернии также приложили большие усилия к изучению древней истории своей земли и народов, ее населявших. Исследовались археологические памятники, собирались и обобщались письменные источники и традиционно «живая старина». Обобщались материалы по истории отдельных уездов, что было доступно для деятельности провинциальных ученых. Примером такого рода может быть работа М. Г. Худякова «Древности Малмыжского уезда»¹⁹. Изучение характера деревянных построек как «живого свидетельства» древнейшей колонизации предпринял Д. К. Зеленин²⁰. Из обобщающих работ по истории Вятского края следует отметить труды А. С. Верещагина²¹ и Л. Спасской²². Вятские архивисты стремились дать более углубленную разработку различных этапов истории края и подвергли серьезной критике труды предшественников (А. Вештомова и Н. Бехтерева), «полные легендарных известий..., анахронизмов и неточностей»²³. Время расселения русских на Вятке исследователи относили к XIV в., особое внимание уделяя летописному известию под 1374 г. о походе и разграблении прибрежных селений «ушкуйниками-разбойниками». Главными областями, откуда шел приток населения, называли Новгородскую и Владимиро-Суздальскую земли и Нижегородский край²⁴. С приходом русских поселенцев в Вятском крае начали развиваться феодальные отношения и появилась классовая дифференциация.

Пермские архивисты занимались изучением древней истории Перми Великой, определением ее границ, прослеживали генеалогию князей Великопермских, Пермских и Вымских²⁵. Комплекс источников и ряд научных статей по истории Пермского края издал А. А. Дмитриев²⁶. Исследователь установил следы проникновения русских на Северный Урал еще до появления там Строгановых и Ермака, когда началось интенсивное освоение угорских земель и покорение Сибири.

Большое внимание древнейшей и древней истории своего края уделяли члены Нижегородской ученой архивной комиссии. В числе лиц, первыми получивших открытые листы на право раскопок в крае, были А. С. Гациский, В. Г. Короленко, живший в ссылке в Нижнем, А. А. Савельев и другие²⁷. Была

выявлена Сейминская культура бронзового века на Оке. А. А. Городцов занимался изучением неолитической культуры, проводя раскопки под Сормовом и у Балахны. Проводились раскопки курганов на Оке, на р. Пьяне, а археолог А. П. Поливанов исследовал окрестности легендарного озера Светлояр, которое будто бы поглотило некогда град Китеж²⁸. На берегах озера были найдены следы существования культуры каменного века.

История колонизации Поволжья в «письменный» период была тесно связана с деятельностью владими́ро-суздальских князей. Нижний Новгород был основан великим князем Юрием Всеволодовичем на «оусты Оки» в 1221 г. в ходе освоения территорий вдоль Оки и Волги, что сопровождалось борьбой с влиянием Волжской Булгарии. В 1889 г. в Нижнем было организовано мощное празднество в честь основателя города, и был издан специальный труд А. М. Меморского²⁹. Ставился вопрос о создании памятника князю Юрию Всеволодовичу, однако задача эта не решена и по сей день. Специальный труд А. А. Савельева был посвящен исследованию вопросов о времени и причинах основания Нижнего Новгорода³⁰. Автор опроверг мнение А. П. Мельникова о том, что Нижний город назван по отношению к старинному городищу, стоявшему на Гребешке над Окою. Городище названия не имело, в нем не было храмов, оно не имело статуса города. Это было либо убежище местного населения, либо место сосредоточения русских войск, ходивших походом на Волжскую Булгарию. Новый город был назван Нижним по отношению к Новгороду Великому, этим подчеркивалось значение его, вставшего крепостью на юго-восточных границах Руси. Летописец не случайно подчеркивал, что город в устье Оки основан великим князем «по благословению» епископа Симона. Под городом заложен был Благовещенский монастырь, а в крепости вскоре поднялись два собора. Новый православный центр возник на самой границе языческого мира, мордовских и марийских племен.

Активно разрабатывали историю своего края и самого губернского города симбирские архивисты. Они опубликовали и «Книгу строельную» и «Историческое обозрение г. Симбирска от первых времен до возведения на степень губернского города»³¹. И хотя город был основан в XVII в., местные исследователи попытались проследить и дать хронологический пе-

речень событий в крае с 1372 г.³². На первом же заседании Симбирской ГУАК ее председатель В. П. Поливанов поставил задачу создания археологической карты губернии как части «всероссийской археологической карты»³³. Задача эта была осуществлена, и сам В. Н. Поливанов прославился раскопками знаменитого Муранского могильника, оставленного местным финно-угорским населением. История «народной жизни» постигалась не только через изучение памятников археологии и письменных исторических источников, но и через обработку народных преданий, песен, сказаний. С целью «скорейшего и наглядного» ознакомления местного населения с результатами деятельности комиссии специально создавался местный музей.

Исследуя вопрос о древнейших поселениях края, В. Н. Поливанов выдвинул версию, что за названием племени «будины» у Геродота и «аорсами» у Страбона скрываются болгары и буртасы³⁴.

В трудах архивных комиссий Черниговской, Палтавской, Тамбовской, Оренбургской и других рассматривалась история казачества.

Серьезный интерес к истории своего города, основанного в XVI в., и всего степного края проявили члены Саратовской ГУАК. Ценнейшими пособиями по истории края явились не только «Материалы для истории заселения Саратовского края» А. Минха, «Источники и пособия для изучения Саратовского края» С. Соколова, исследование А. Голумбиевского, но и труд Ф. Чекалина, основанный на изучении древних карт и архивных данных³⁵. Саратовские архивисты стремились всеми силами использовать исторические материалы «в современной хозяйственной практике».

Таким образом, изучая длительный и нелегкий процесс колонизации, сотрудники губернских ученых архивных комиссий пришли к выводу: славяно-руссy в результате освоения территории Восточной Европы создали территориальную и экономическую основу для возникновения мощного национально-государственного образования. При этом они вовлекли в ареал своей исторической деятельности целый ряд более мелких племен и народов и началось их «обрусение». Русские выступали для них посетителями более передового общественно-экономического уклада — феодального и более высокой, по сравнению с местной языческой, христианской культуры. Все это обусловило формирование на основе естественно-исто-

рических предпосылок «единого бытового организма», политическим завершением которого явилось Московское государство.

Демократическая тенденция в оценке колонизационного процесса была характерна для публикаций ГУАК. Так, нижегородский краевед А. А. Савельев отмечал, что «во всей восточной половине России русский народ совершил свои громадные завоевания не столько мечом, сколько крестом и своим цивилизирующим влиянием»³⁶. Вспомним, что в свое время и Ф. Энгельс отмечал «цивилизующую» роль России по отношению к востоку³⁷. Православная церковь принимала активное участие по включению в государственный организм нерусских народностей, в том числе и проживавших издревле в Поволжье³⁸. Отметим при этом, что насильно язычников не крестили, их привлекали другими средствами.

Главную тяжесть труда по освоению лесных территорий будущей Великороссии вынес народ, прежде всего, русское крестьянство. Е. В. Барсов не случайно называл колонизационное движение в древности примером «изумительного богатырского подвига», свершенного русским народом³⁹. Публикации архивных комиссий по истории колонизации содействовали формированию русского национального самосознания, воспитывали исторический оптимизм и уважение к созидательной мощи свободного труда.

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Макарихин В. П. Губернские ученые архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли России в конце XIX—начале XX века // История СССР, 1989, № 1. С. 160—170.
2. Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). М., 1902. С. XX.
3. Черепнин А. И. Очерк донеторического прошлого Рязанского края. Празднование 800-летия (1095—1895 гг.) г. Рязани. Рязань, 1895. С. 22.
4. Труды третьего историко-археологического съезда, бывшего с г. Владимире 20—26 июня 1906 г. Владимир, 1909. С. 14.
5. Труды Ярославского областного съезда... С. 99—103.
6. Труды второго областного Тверского археологического съезда. Тверь, 1926. С. XIII.
7. Труды Ярославского областного съезда... С. 168.
8. Труды второго областного Тверского археологического съезда... С. XXXV.
9. Там же.
10. Там же. С. XXXVI.
11. Там же.

12. Там же. С. LXI.
13. Там же. С. LXII.
14. Труды третьего историко-археологического съезда... С. 2—9.
15. Труды четвертого областного историко-археологического съезда. Кострома, 1914. С. 229.
16. Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Вып. 1. Кострома, 1912.
17. Алмазов П. Путеводитель по г. Костроме и Костромской губернии. Кострома, 1909.
18. См.: Костромская старина. Вып. 1, 2. Кострома, 1890—1892.
19. Труды Вятской ГУАК. Вятка, 1910. Вып. 2. 3.
20. Зеленый Д. К. Вопрос о типе деревянных построек, как о живом свидетельстве древнейшей колонизации края // Труды Вятской ГУАК. Вятка, 1912. Вып. 2.
21. В Трудах Вятской ГУАК за 1905—1906 гг. им были опубликованы «Повесть о стране Вятской», «Сказания русских летописей о Вятке», «К истории древнего Хлынова».
22. См.: Спасская Л. Прошлое Вятки с ее заселения русскими до воцарения М. Ф. Романова // Труды Вятской ГУАК. Вятка, 1913. Вып. 1—2.
23. Труды Вятской ГУАК. Вятка, 1913. Вып. 1—2. Отд. 1. Предисловие.
24. Этой теме была посвящена специальная статья А. С. Верещагина: «Суздальско-нижегородские князья в истории древней Вятки».
25. См.: Голубцов В. Князья Великопермские, Пермские и Вымские 1463—1611 // Труды Пермской ГУАК. Пермь, 1896.
26. Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. I—VII. Пермь, 1883—1900.
27. ГАГО. Ф. 1411. Оп. 822, л. 2, л. 24.
28. Действия Нижегородской ГУАК. Т. 1. Н. Новгород, 1887—1888.
29. Меморский А. М. Основатель Нижнего Новгорода великий князь Георгий (Юрий) II Всеволодович. Н. Новгород, 1889.
30. Савельев А. А. Время и причины основания Нижнего Новгорода. Н. Новгород, 1896.
31. Книга стрелецкая г. Симбирска. Сост. П. Мартынов. Симбирск, 1896.
32. Красовский В. Хронологический перечень событий Симбирской губернии (1372—1901). Симбирск, 1901.
33. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 661. Оп. 1, л. 5, л. 3 об.
34. Открытие Симбирской ГУАК. Симбирск, 1895. С. 8.
35. Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье в XVI в. по картам того времени и архивным данным. Саратов, 1896.
36. Савельев А. А. Старинные акты на церковные земли при селе Моляске Ардамовского уезда Нижегородской губернии // Действия Нижегородской ГУАК. Т. 1. Н. Новгород, 1889. С. 110.
37. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 111.
38. См.: История христианизации народов Среднего Поволжья. Межвуз. сб. научн. тр. Чебоксары, 1988.
39. Труды Ярославского областного съезда. С. 169.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение материальной и духовной культуры феодальной России показывает, что она имеет непреходящее значение для разрешения целого ряда насущных проблем современности.

Русская материальная и духовная культура с древности отличалась синтетичностью. Корни этой традиции уходят в эпоху взаимодействия полиэтнических культур в ходе многовековой славяно-русской колонизации территории будущей Великороссии. Другой особенностью было взаимодействие традиционной народной и христианской культур. Многовековое взаимодействие различных культурных стихий породило ту специфику духовной культуры и самосознания русского народа, споры о которой в течение веков не утихают.

Изучение опыта региональной истории показывает, что традиционные формы, в которых развивалась русская национальная культура, сочетались с разнообразными местными культурными традициями.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАГО	-- Государственный архив Горьковской области.
ГУАК	— Губернская ученая архивная комиссия.
ЖММП	— Журнал министерства народного просвещения.
ИА	— Институт археологии АН СССР.
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института Археологии АН СССР.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
СА	— Советская археология.
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДЕПОНИРОВАННЫЕ СТАТЬИ ПО ТЕМАТИКЕ СБОРНИКА (1987—1989 гг.)

1. Мордвинцев В. М., Старков В. А. К вопросу о физической культуре Древней Руси (по былинне «Дюк Степанович») / Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко.—Киев, 1987.—38 с., табл.—Библиогр.: с 34—38. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 30084 от 1.07.87.

2. Сараева Е. Л. Сознание крестьян верхневолжских губерний конца XVIII—начала XIX вв. / Яросл. гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского.—Ярославль, 1987.—28 с.—Библиогр.: С. 24—28. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 29586 от 29.05.87.

3. Буров Г. М. Железный век Крайнего европейского Северо-Востока: (от начала до VIII столетия н. э.) / Симфероп. гос. ун-т имени М. В. Фрунзе.—Симферополь, 1989.—47 с., ил.—Библиогр.: С. 32—44. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 38239 от 7.06.89.

4. Липаков Е. В. Формирование дворянства в Казанском крае во второй половине XVI—первой половине XVII вв. / Гос. ком. СССР по нар. образованию. Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина.—Казань, 1989.—67 с.—Библиогр.: С. 60—67. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 38196 от 5.06.89.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Введение	3
В. Н. Русинов. К проблеме Нестора-летописца	5
И. Л. Станкевич. Финно-угорские элементы в культуре древнерусского поселения Введенского	26
И. Д. Русинов. Углич—древнейший русский город на берегах Волги	33
А. В. Кулагин. Металлообработка в Угличе в X—XVII веках	44
Т. В. Гусева. Религиозные представления жителей средневекового Городца на Волге	48
Л. Е. Балыкина. Палеодемографии средневекового Городца на Волге	51
Д. Ю. Кривоцов. Договор в общественном сознании средневековой Руси	61
Н. Ф. Филатов. «Строельный летописец» Макарьев-Желтоводского монастыря XVII века	68
С. В. Перелешенцев. Идеиные связи России и Германии в первой половине XVIII века: X. Вольф и В. П. Татищев	73
Е. В. Кузнецов. Нравственно-политическое содержание проповедей Дмитрия Руднева (70—80 гг. XVIII в.)	82
И. А. Богородицкая. Влияние Нижегородской ярмарки на социально-экономическое развитие Нижегородской губернии в первой половине XIX века	90
А. В. Седов. Удельные крестьяне Нижегородской губернии—главные мастера «золотой хохломы»	94
В. П. Макарихин. Исторический опыт русского народа в трудах Губернских ученых архивных комиссий	99
Заключение	109

Св. темплан 1990 г., поз. 357

**МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА
ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ**

Межвузовский сборник

Редактор **В. П. Макарихин.**

Техн. ред. **Н. В. Артемьева.**

Сдано в набор 02.10.90. Подписано в печать 26.10.90.
Формат 60×84/16. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 5.
Тираж 850 экз. Заказ 1412. Цена 1 руб.

Горьковский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
603600, г. Горький, пр. Гагарина, 23.

Типография ГГУ, г. Горький, ул. Свердлова, 37.